

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады

Выпуск 23

Ю.В. Гусаров

**ПЕРЕВОДНАЯ ЧУВАШСКАЯ КНИГА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

**К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ И ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук
по итогам работы за 2016 год

Чебоксары – 2016

УДК 655
ББК 76.17
Г 96

Научный редактор Г.А. Николаев

Гусаров Ю.В.

Переводная чувашская книга второй половины XIX – начала XX века: к истории переводческой и издательской деятельности / Ю.В. Гусаров; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2016. – 60 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 23).

Работа посвящена истории переводной (религиозной и светской) чувашской книги второй половины XIX – начала XX в., сыгравшей важную роль в развитии культуры и подъеме национального самосознания чувашского народа. Рассматриваются вопросы, связанные со взглядами на будущее чувашской книги в дискуссии вокруг системы христианского просвещения народов Востока России Н.И. Ильминского, с историей и деятельностью чувашских переводческих и издательских центров Урало-Поволжья.

© Ю.В. Гусаров, 2016

© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2016

Введение

Развитие культуры чувашского народа во второй половине XIX – начале XX в. отмечено крупными достижениями: началом формирования массовой грамотности, приобщением чувашей к высшему, профессиональному и среднему образованию, проникновением христианского мировоззрения в народное сознание, созданием новой чувашской письменности и возникновением литературного языка, зарождением литературы, науки и искусства. Эти успехи были бы невозможны без переводной чувашской книги, являющейся одновременно двигателем и продуктом культурного прогресса.

В широком толковании под чувашской книгой подразумевают все издания, отмеченные чувашской тематикой: языком, именем автора, местом издания, содержанием¹. Под переводной чувашской книгой понимаются печатные издания на чувашском языке, представляющие переводы с других языков, в нашем случае – с русского. Переводная чувашская книга возникла в конце XVIII в., однако бурное развитие получила во второй половине XIX – начале XX в. благодаря системе христианского просвещения нерусских народов Востока России, разработанной Н.И. Ильминским.

Нижней хронологической границей исследования является 1867 г., когда возникло миссионерское общество – Братство св. Гурия, которое взяло на вооружение систему Н.И. Ильминского и являлось главным учреждением по переводу и изданию книг на «инородческих» языках до перехода его переводческой комиссии в 1876 г. в ведение Православного миссионерского общества; верхней границей – Октябрь 1917 г., положивший конец царской России и её институтам. Если в 1769–1866 гг. было напечатано 20 книг на чувашском языке (включая двуязычные, т.е. на русском и чувашском языках), то в 1867–1917 гг. 741 – в 37 раз больше. По этой причине Н.В. Никольский годом основания Братства датировал начало завершающего процесса христианизации чувашского народа².

Дореволюционные исследователи не обращались к истории переводной чувашской книги. В советское время она не изучалась по идеологическим причинам. Изданный на правах рукописи библиографиче-

ский указатель «Чувашская книга до 1917 года» (1950) из-за информации о религиозных изданиях был пущен под типографский нож. Важной вехой в научной реабилитации темы стало его второе, дополненное издание (2001)³. Оно также нуждается в дополнении, о чем свидетельствует его сопоставление с каталогами изданий переводческих организаций, объявлениями о выходе новых книг и рецензиями на них в дореволюционных периодических изданиях. В изучении темы сделаны определенные успехи: опубликованы труды историков и филологов, в которых с разной степенью полноты освещается переводческая деятельность И.Я. Яковлева, Д.Ф. Филимонова, Н.В. Никольского⁴. В языковедческом и книговедческом аспектах чувашскую дореволюционную книгу изучают филологи Э.В. Фомин и О.Р. Студенцов⁵.

Требуют изучения история и деятельность переводческих и издательских центров Урало-Поволжья, в т.ч. теория и практика переводческого дела, история издания, распространения и бытования чувашской книги и др.; некоторые из этих вопросов рассматриваются в данной работе.

1. Переводная чувашская книга в борьбе вокруг системы Н.И. Ильминского

Переводная книга и система Н.И. Ильминского. Система Н.И. Ильминского появилась в условиях массового отпадения в ислам крещеных народов Поволжья в 1860-х гг. и кризиса политики силовой христианизации. Своей целью она провозгласила христианское просвещение нерусских народов Востока России на родном языке в интересах их культурного развития и духовного сближения с русским народом. Её педагогические принципы легли в основу правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г.

В системе Н.И. Ильминского переводной книге отводилась роль орудия, обеспечивающего процесс обучения и богослужения на родном языке. Особенно тесной была её связь со школой: «Книга без содействия правильно поставленной школы не может иметь большого значения, так как никогда не проникнет в массу народную. Школа без книги тоже ничего не может сделать», – отмечалось в материалах съезда сотрудников Переводческой комиссии Православного миссионерского общества (ПК ПМО) в 1905 г.⁶ И.Я. Яковлев также отмечал зависимость возможностей миссионерской книги от грамотности населения⁷.

«Цель переводов и изданий на инородческих языках заключается в том, чтобы посредством их дать им христианскую культуру и культуру русскую», – указывал Т.А. Земляничский⁸. Конкретизируя эту мысль, И.Я. Яковлев писал, что миссионерская литература призвана способствовать тому, чтобы «инородцы коренным образом изменили своё языческое (местами и магометанское) мировоззрение на христианское, православное и усвоили русские народные обычаи и язык и тем самым слились с русским народом»⁹. Миссионерская книга была рассчитана на долговременное воздействие на адресата. Так, Н.В. Никольский отмечал, что усвоение христианства немислимо без постоянной духовной работы, условием которой является «слушание и чтение богослужебных и религиозно-нравственных книг на родном языке»¹⁰. Книга на родном языке показала свою действенность: по наблюдениям священников, чувашские крестьяне доверяли ей больше, чем слову миссионера¹¹.

Система Н.И. Ильминского сочетала в себе русское и «инородческое» начала, поэтому с момента возникновения подвергалась критике со стороны русификаторов, опасавшихся ослабления позиций русского языка в обучении, и национальной интеллигенции, выступавшей за развитие родной культуры и языка¹². Н.И. Ильминский успешно противостоял своим оппонентам. После его смерти дело защиты и развития системы Н.И. Ильминского продолжили его соратники и ученики.

Марийский просветитель П.П. Глезденёв отмечал, что чувашские коллеги прониклись идеями Н.И. Ильминского, объединились и наряду с татарами стали его главными сподвижниками, что позволило им добиться больших успехов в просвещении своих народов¹³. Не случайно инспектор училищ Буинского уезда М.В. Касаткин отмечал, что дискутируемый в обществе «инородческий вопрос» на самом деле касался не многочисленных восточных народов, а только чувашей и татар¹⁴. Своими основными противниками русификаторы считали чувашских просветителей и их «приспешников» в лице высокопоставленных государственных чиновников¹⁵.

Борьба чувашских «ильминистов» за сохранение и развитие системы Н.И. Ильминского. Центральным в дискуссии между «ильминистами» и «антиильминистами» (так называли друг друга её участники) являлся вопрос о месте «инородческих» языков в школьном обучении и богослужении, в контексте которого рассматривалось будущее переводной книги. При этом обе стороны заявляли о единстве

своих целей и принадлежали правому политическому лагерю (оговоримся: чувашские «ильминисты» – за малым исключением). Поэтому революционная чувашская молодежь обвиняла соплеменников-миссионеров в сговоре с реакционерами и предательстве национальных интересов чувашского народа¹⁶. Д.Ф. Филимонов отмечал, что только либералы признавали за «инородцами» общечеловеческие права, но чувашские «ильминисты» были им чужды по «преданности православию и царю»¹⁷.

Для «ильминистов» борьба носила оборонительный характер. На «Особом совещании по вопросам образования восточных инородцев» при Министерстве народного просвещения (МНП) 1905 г. их усилиями, в т.ч. чувашских деятелей, удалось отстоять систему Н.И. Ильминского.

Уже к концу XIX в. система Н.И. Ильминского дала результаты: православие проникло в сознание чувашского народа, исчезла угроза его массового отпадения в ислам, укрепился интерес чувашей к русской культуре¹⁸. Вместе с тем, по мнению чувашских «ильминистов», она нуждалась в развитии, особенно в свете завоеваний революции 1905–1907 гг. Их активность стимулировало ослабление роли родного языка в «инородческой» школе, закреплённое «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1906, 1907 и 1913 гг.¹⁹

В 1907 г. Д.Ф. Филимонов писал, что «инородческая» школа нуждается в улучшении «по требованиям жизни и настоящего времени», призывал открыть нерусским народам свободный доступ к высшему образованию, не ограничивать их просвещение религиозным образованием, а развивать всесторонне: «Пусть чувашаи разрабатывают свой язык, пусть они двигают вперед своё духовное достояние – музыку, искусство, поэзию и т.п.»²⁰. В 1908 г. в черновике одного из своих трудов И.Я. Яковлев указывал, что под влиянием требований современности следует открывать «инородческие гимназии» и профессиональные школы, с помощью стипендий облегчать «инородцам» путь к высшему образованию²¹, но вычеркнул эти слова из белого варианта.

Памятуя о государственной и общественной поддержке, оказанной системе Н.И. Ильминского в период её возникновения, чувашские «ильминисты» призывали противостоять угрозе мусульманизации нерусских народов Поволжья, которая вновь актуализировалась после Манифеста 17 апреля 1905 г. о веротерпимости (непосредственно после него в Казанской, Пензенской, Симбирской, Уфимской губерниях

в мусульманство перешло свыше 38 тыс. чел.²²). Так, в 1909 г. Д.Ф. Филимонов предложил дополнить систему Н.И. Ильминского программой мер по утверждению «инородцев» в христианстве и противодействию исламу, включив в неё пункты о развитии национального художественного творчества, улучшении экономического состояния нерусских народов, расширении школьного и внешкольного образования за счет издания переводных книг исторического, сельскохозяйственного, медицинского содержания, газет и журналов на местных языках, учреждения библиотек, читален, просветительских обществ и кружков. В условиях нападок на систему Н.И. Ильминского приходилось рассчитывать на свои силы, поэтому для её развития призвал нерусское духовенство проявить инициативу и организовать межпархиальное общество по просвещению поволжских «инородцев»²³.

Систему Н.И. Ильминского считали первой ступенью к обрусению, понимаемому как овладение «инородцами» языком и культурой русского народа до потери национальной самобытности²⁴. Так, «ильминист» А.А. Воскресенский заявлял, что система Н.И. Ильминского и «обрусительная система» (русская школа) дополняют друг друга: первая приобщает «инородцев» к православию и «русским идеям», вторая несёт знание русского языка²⁵. Н.В. Никольский цитировал слова Н.И. Ильминского о том, что внутреннее (духовное) обрусение неизбежно ведет к внешнему²⁶, характеризующемуся усвоением быта и языка русского народа. Также К.П. Прокопьев заявлял, что внешнее обрусение – «это только вопрос времени»²⁷.

Чувашские «ильминисты», считая приоритетным внутреннее обрусение, выступали против ускоренной русификации, предлагаемой их оппонентами. И.Я. Яковлев отмечал, что процесс обрусения сложен и завершится «в далеком будущем», а национальная политика государства должна учитывать историческое наследие и уровень развития народов²⁸. Так же считал Д.Ф. Филимонов, писавший, что чуваша научатся хорошо говорить по-русски не раньше чем через 50–100 лет²⁹. Ссылаясь на слова Н.И. Ильминского о том, что насильственное обрусение порождает ответное сопротивление и вражду между народами, он призывал к дистанцированию миссионерского дела от политики и экономики³⁰.

Д.Ф. Филимонов указывал, что русский язык не делает «инородца» русским по духу (верноподданным), в отличие от православия, связывающего народы России «единством религиозных и государст-

венных понятий и чувств». Приобщить же чувашей к последнему нельзя без родного языка³¹. В черновике очерка, посвященного 40-летию своей школы, И.Я. Яковлев писал о необходимости обеспечить «инородцам» свободу пользования родным языком в школе и церкви, поскольку только с его помощью можно «перевоспитывать... старые понятия... вводить в них новые элементы» (бороться с язычеством и насаждать православие. – Ю.Г.), а без него (т.е. посредством русского языка) – лишь «ломать и разрушать их»³².

«Из глубины тысячелетий каждый исторически обособившийся народ выносит выработанный его собственными духовными силами и средствами скелет чувств, понятий и идей, которые умрут вместе с ним. Язык – оболочка этого духовного богатства», – писал в упомянутом черновике очерка И.Я. Яковлев, указывая, что язык умирает только вместе с создавшим его народом. Поэтому призыв к народу забыть свой язык равносителен «требованию смерти этого народа»³³. Д.Ф. Филимонов указывал, что язык – дар Божий, поэтому «стыдно и грешно» погубить его «искусственным образом». Он писал, что любовь чувашей «к своему роду-племени, языку и быту» естественна и непредосудительна, а чувство самосохранения отдельного человека и народов имеет одну природу³⁴. Чувашские «ильминисты» были убеждены, что национальные особенности не мешают единству народов: «Когда у инородцев одна вера, одни убеждения, одни симпатии с русским народом, различия в языке, в костюме, в быту не имеют существенного значения»³⁵.

Их взгляды совпадают с позицией Н.И. Ильминского, выступавшего за привитие «инородцам» всего хорошего из русской культуры с сохранением лучшего из их национального наследия³⁶. Вот еще один пример на эту тему. По поводу фразы, приписываемой умирающему Н.И. Ильминскому: «Пусть инородцы будут русскими и любят Россию», И.Я. Яковлев писал, что никогда не слышал её из его уст, утверждая, что Ильминский не мог этого сказать «по своим убеждениям»³⁷.

Сказанное заставляет критически относиться к публичным заявлениям чувашских «ильминистов» о перспективах русификации «инородцев». Как вспоминал Д.Ф. Филимонов, возражать оппонентам и «указывать на правду русской жизни было опасно»³⁸. Красноречивыми в этой связи являются их обмолвки и намеки. Д.П. Петров (Юман) запомнил слова И.Я. Яковлева: «Победоносцев мне сказал: “И в сердце, и в голове у чувашей пусть будет только Бог и иконы”. Мы всё же

будем стараться думать о бóльшем»³⁹. В 1904 г. в частной беседе И.Я. Яковлев поставил в пример России Данию, политика которой основывалась на заботе о национальных языках («у них языки инородцев не в загоне»)⁴⁰. Известен и такой факт: на шуточный вопрос министра народного просвещения Л.А. Кассо, не хочет ли И.Я. Яковлев «оттягать» для чувашей Симбирскую губернию, он также в шутку ответил, что всю губернию нет, «а вот некоторые уезды, где живут чувашши – да!»⁴¹.

Годы реакции ослабили систему Н.И. Ильминского. В 1916 г. Д.Ф. Филимонов в докладе петербургскому митрополиту Питириму предлагал восстановить её «в прежней силе» и распространить на все «инородческие» приходы⁴². Свержение самодержавия вызвало у И.Я. Яковлева надежду на реализацию прежних идей по развитию просвещения нерусских народов. В октябре 1917 г. в письме чиновнику Временного правительства А.А. Плетнёву он предложил оказать государственную поддержку образовательным учреждениям, созданным Н.И. Ильминским, которые «захудали» в период гонений на «инородческое» просвещение, обеспечить преподавание на родном языке в «инородческих» училищах и ввести его как предмет «на более высших ступенях школы», приобщать «инородцев» к профессиональному образованию и др.⁴³ Н.В. Никольский после прихода к власти большевиков заявил о несостоятельности концепции обрусения («В прошлом говорили, что мелкие народы – чувашши, марийцы, вотяки – обрусуют. 1917 год показал неправду этих слов. С началом революции чувашши стали издавать свою газету, книги на родном языке»⁴⁴), но отдавал должное системе Н.И. Ильминского⁴⁵.

Переводная чувашская книга в дискуссии вокруг системы Н.И. Ильминского. По мнению сторонников прямой русификации, тайные намерения их оппонентов проявились в отношении к переводной книге. Ещё Н.И. Ильминский в письме к К.П. Победоносцеву жаловался, что многие считают «инородческие» переводы «вредными для государственного единства»⁴⁶. В 1916 г. окружной инспектор Киевского учебного округа Я.Д. Коблов писал, что в ходе борьбы «лжеильминисты» (так он называл сторонников системы Н.И. Ильминского) уклонились от идей своего учителя, например, пытались противодействовать овладению соплеменниками русским языком, «стали в большом количестве издавать книги на инородческих языках (в особенности

чувашском)» не только учебного и миссионерского, но и научного содержания, в надежде на развитие своей науки и литературы, тогда как, по мысли Н.И. Ильминского, для удовлетворения растущих культурных запросов «иностранцы» должны обращаться к русской книге⁴⁷. И.Я. Яковлева обвиняли в намерении превратить чувашский язык в литературный, что даст толчок развитию национальной литературы, а значит, национальному обособлению⁴⁸.

«Антиильминисты» выступали против переводных книг – как религиозных, так и светских. Особенно доставалось чувашским книгам: Н.И. Ильминский отмечал, что из всех иноязычных переводов Казанской переводческой комиссии только чувашские подвергались «письменной и печатной критике, настойчивой и почти непрерывной»⁴⁹ (добавим: книги как Н.И. Золотницкого, так и И.Я. Яковлева. – Ю.Г.). Один из реакционеров писал, что если при Н.И. Ильминском на «инородческих» языках печатались книги духовного содержания, то затем стали переводить «всё, до газеты включительно... все науки», чтобы обособиться «чуть ли не до чувашского университета»⁵⁰. Перебирая факты, казанский дворянин Д.П. Арцыбашев утверждал, что чувашские учителя и священники «усиленно переводят» книги, в т.ч. «передового (либерального. – Ю.Г.) направления», на государственные средства (намёк на ПК ПМО)⁵¹. На Казанском губернском дворянском собрании было заявлено, что система Н.И. Ильминского применяется неправильно, например, на «инородческие» языки переведено «излишнее количество» книг⁵². Отказывая чувашскому народу в праве на развитие национальной культуры, председатель Козьмодемьянской земской управы Н.А. Мельников выступал против чувашского языка и «несвойственной» ему литературы, способной развить «сепаратизм и самомнение», а также переводных книг, считая, что для удовлетворения культурных запросов достаточно тех, что дают «верхушки знаний и сведений»⁵³.

Реакционеры заявляли, что «иностранцы» вступили в стадию окончательного слияния с русским народом, «поэтому переводы богослужбных и религиозно-нравственных книг на инородческие языки не нужны: переводы могут лишь замедлить начавшийся процесс»⁵⁴. Подобные взгляды были широко распространены. Скажем, создание газеты «Хыпар» породило разговоры о том, что издание книг и газет на национальных языках может задержать процесс обрусения народов или вызвать их отказ от него⁵⁵. Казанский архиепископ Владимир заявлял,

что с превращением в православных чувашаи обрусуют «и не будут нуждаться в чувашской грамоте и вообще в чувашском языке... чувашские книги будут забыты и будут такой же редкостью, как и зырянская грамота»⁵⁶. Это факт, что в 1908 г. чувашские священники предложили закупать для церковных библиотек по 10 названий каждого издания ПК ПМО, чтобы в будущем «не остаться без чувашских книг»⁵⁷.

Чувашские «ильминисты» пытались защищаться. Д.Ф. Филимонов называл «неосновательными и легкомысленными» нападки на чувашские книги, показавшие результативность в борьбе с язычеством⁵⁸. К.П. Проккопьев писал, что чувашские книги формируют у чувашей любовь к чтению, в результате они читают и русские⁵⁹. На упреки оппонентов, что под влиянием переводной книги «инородцы» начинают «чувствовать уважение к себе и презрение к русским людям», чуждаются общения с последними «и даже отатариваются», Н.В. Никольский возражал, что благодаря переводам «инородцы» предпочитают общаться с русскими, а не с татарами⁶⁰. Он указывал, что под влиянием «инородческой» школы и переводной книги отношение чувашей к Русскому государству изменилось к лучшему, например, если в старину воинскую повинность считали унижительной, то в начале XX в. признают почётной⁶¹. «Какое сомнение и сепаратизм будут развиваться у чуваш от книг на родном языке, если они будут получать из них... полезные сведения, напр[имер] по хозяйству, о природе, и тем будут расширять свой умственный кругозор?» – вопрошал читатель «Казанской газеты»⁶².

В 1919 г. Н.В. Никольский охарактеризовал культурное развитие чувашского народа во второй половине XIX – начале XX в., одновременно как бы подведя черту под дискуссией между «ильминистами» и их противниками. Благодаря школам по системе Н.И. Ильминского, как писал он, «бесправный чувашин сознал свое человеческое достоинство и захотел многих и многих для себя культурных благ». В ходе революции 1905–1907 гг. чувашаи выдвинули требования по национальному развитию, однако наступившая реакция усмотрела в них «замаскированный культурный и политический сепаратизм». Февральская революция 1917 г. смела идеологические преграды: возникли национальные организации, приступившие к реализации программы политического и культурного развития чувашского народа, в т.ч. издания книг и газет на родном языке⁶³.

2. Чувашские переводческие центры. Переводческая деятельность на чувашском языке и чувашские переводчики

К истории чувашских переводческих центров. В описываемый период действовали чувашские переводческие центры в губернских городах: Казани, Симбирске, Самаре, Уфе, каждый – со своей специализацией. Первым в начале 1860-х гг., благодаря деятельности Н.И. Золотницкого по составлению и изданию чувашских учебных книг в соответствии со своей программой использования родного языка в образовании «иногородцев», возник казанский (вернее, настал новый период в его истории, начавшейся в первой четверти XIX в.). Символично, что Н.И. Золотницкий издал чувашский букварь в год создания Братства св. Гурия, одним из членов-основателей которого являлся. Вскоре дело перевода чувашских книг перешло к Переводческой комиссии Братства св. Гурия (с 1876 г. – ПК ПМО), издававшей книги на 23 языках, функционировавшей до 1918 г.⁶⁴ В 1900-х гг. редактированием чувашских книг ПК ПМО (рукописи поступали с мест) занимался помощник секретаря Совета Братства Ф.Н. Никифоров⁶⁵. После его перехода на должность инспектора училищ Ядринского и Козьмодемьянского уездов (1906) эти обязанности исполнял делопроизводитель ПК ПМО Н.В. Никольский. Известно, что к доработке рукописей он привлекал опытных переводчиков из числа чувашских священников⁶⁶.

Работа над чувашскими переводами велась в Казанской учительской «иногородческой» семинарии, с участием её учеников. В ней обучалось около 50 учащихся чувашской национальности, что позволяло редактировать только небольшие переводы (рассказы из житий святых, поучения, проповеди и др.)⁶⁷. Здесь же выполнялись заказы на чувашские переводы⁶⁸. Судя по письму Д.Ф. Филимонова, просившего Н.В. Никольского организовать проверку чувашского перевода учениками-курсистами⁶⁹, последний также руководил переводческой работой слушателей чувашского отделения (открыто в 1903 г.) Казанских миссионерских курсов. О масштабах последней говорят следующие цифры: в 1905 г. Казанский Спасо-Преображенский монастырь, где находились курсы, издал 35 чувашских книг (в т.ч. богослужебных и учебных), ещё 50 рукописей имел в издательском портфеле⁷⁰.

Среди чувашских переводчиков ПК ПМО выделялись: священники Н.К. Кузьмин, Я.В. Турхан, С.М. Михайлов, М.Д. Данилов, П.В. Ва-

силев, В.А. Петров, М.С. Спиридонов, К.Е. Волков, Я.П. Петров, учителя И.С. Степанов, С.С. Сергеев, М.Ф. Данилов, И.Н. Никонов, Е.А. Алексеев, Т.А. Алексеев, Ф.П. Павлов, И.Е. Ефимов, воспитанники миссионерских курсов Т.К. Кириллов, А.С. Сергеев, Н.Е. Ефремов, Н.И. Иванов и др.

Позиции Казани как переводческого центра укрепило создание в 1907 г. Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа (ПК при КУО), которая издавала учебники и учебные пособия для «инородческих» школ. Первоначально её членом являлся Н.В. Никольский, после его выхода из неё в 1910 г. на его место был назначен Н.И. Ашмарин. В 1906–1910 гг. ПК при КУО издала 41 книгу на восьми языках и диалектах, в т.ч. 9 на чувашском, общим тиражом 16,4 тыс. экз.⁷¹

В годы революций начала XX в. в Казани функционировали чувашские национальные организации, переводившие общественно-политическую и научно-просветительскую литературу. В августе 1906 г. возник «Кружок по образованию чуваш» (первая чувашская общественная организация, национальный филиал Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию), к которому перешла созданная Н.В. Никольским частная газета «Хыпар». Редакция последней издавала подцензурные чувашские оригинальные и переводные общественно-политические и научно-популярные книги и брошюры. Их авторами были «хыпаровцы» и представители национальной интеллигенции, откликнувшиеся на призыв газеты о сотрудничестве в деле перевода литературы⁷². В 1907 г. деятельность кружка прекратилась из-за арестов его членов и исчерпания собранных средств⁷³. С победой Февральской революции 1917 г. чувашские эсеры возобновили издание в Казани газеты «Хыпар» и создали чувашские национальные организации, в структуре которых действовали переводческие комиссии, специализировавшиеся на общественно-политической литературе.

В 1870 г. в Казани началась переводческая деятельность И.Я. Яковлева, который сразу вовлёл в неё учеников руководимой им Симбирской чувашской школы⁷⁴. Первая его переводная книга была издана Братством св. Гурия в 1872 г. При назначении И.Я. Яковлева в 1875 г. инспектором чувашских школ Казанского учебного округа перевод на чувашский язык богослужебных и миссионерских книг был включен в его служебные обязанности⁷⁵. С этого времени переводче-

ская карьера Яковлева развивалась при его школе, которая являлась центральным миссионерским учреждением для чувашей, получая субсидии от МНП и Синода. И.Я. Яковлев писал, что ему повезло и уже в первые годы работы над переводами ряд учеников выказал способности к ним, а впоследствии школа превратилась в центр «создания чувашской письменности, переводов» и распространения чувашских книг⁷⁶. «Яковлевская» группа переводчиков не имела статуса подкомиссии ПК ПМО, как иногда утверждается⁷⁷. Об этом писал И.Я. Яковлев, отмечая, что занимался переводами как член ПК ПМО⁷⁸.

В Симбирске готовились большие переводы (Священное Писание, богослужебные книги)⁷⁹ и учебники (с 1906 г. не только для Казанского, но и Оренбургского учебных округов⁸⁰), для чего имелись все условия: коллектив опытных переводчиков и надежное финансирование. Уже к 1906 г. был завершён перевод круга богослужебных книг⁸¹. Другим крупным проектом стал перевод Библии (не доведен до конца). Видными представителями симбирского центра являются А.В. Рекеев, Н.В. Васильев (Шубоссинни), К.В. Иванов, И.Д. Дормидонтов, К.М. Макаров, А.П. Петров (Туринге), М.П. Петров, В.Н. Никифоров, Ф.Д. Данилов и др.

По примеру революционной Казани, в марте 1917 г. в Симбирске возникла национальная организация – Симбирское чувашское общество, которое за год перевело на чувашский язык и издало 10 политических брошюр общим тиражом 52 тыс. экз.⁸²

В 1900 г. был создан филиал ПК ПМО (переводческая подкомиссия) при Самарском епархиальном комитете ПМО. Её руководителем являлся священник Д.Ф. Филимонов, который в 1899 г. перевёлся из Казанской епархии. Первое время редактирование чувашских переводов осуществлял Д.Ф. Филимонов (татарские и удмуртские из-за отсутствия специалистов представлялись в Самарский епархиальный комитет ПМО или в Казанскую переводческую комиссию), в 1906 г. был создан редакционный комитет из 7 чел., работавших автономно. За 12 лет было издано 96 переводных книг и брошюр общим тиражом 183 500 экз. (в т.ч. на чувашском языке 85 названий, 171 500 экз.)⁸³. В основном переводились жития святых, церковные поучения на воскресные и праздничные дни, назидательные статьи и учебники по Закону Божьему⁸⁴. К 1904 г. в подкомиссии состояли 42 чел., из них 37 – чувашские священники⁸⁵: А.С. Михайлов, К.П. Прокопьев, А.С. Иванов, А. Сенчуков, А. Алексеев, Г. Григорьев и др.

ПК ПМО координировала работу подотчётных центров, кроме того, они контактировали между собой напрямую. Например, в 1883 г. И.Я. Яковлев на полтора месяца откомандировал А.П. Петрова (Туринге) к Н.И. Ильминскому для помощи в переводческой работе, чтобы укрепить связи с казанскими учительской семинарией и крещенотатарской школой⁸⁶.

Последним формировался переводческий центр в Уфе, о котором известно мало. В 1911 г. представители чувашской интеллигенции решили организовать перевод и издание книг при Уфимском епархиальном комитете ПМО и губернском земстве. На деньги земства, выделяемые для издания «инородческих» книг, было решено составить и опубликовать книгу «О земстве», а также напечатать перевод «Полтавы» А.С. Пушкина, выполненный семинаристом Г.Т. Тихоновым в 1908 г.⁸⁷ После того как второй с помощью Н.В. Никольского был издан в Казани в 1912 г., дело застопорилось: четыре чувашских перевода ученика Уфимского землемерного училища Н.А. Матвеева осели в земской управе «без отзывов»; среди них – упомянутая книга о земстве и две брошюры по сельскому хозяйству⁸⁸. Утверждается, что до 1914 г. Н.А. Матвеев (он погиб на фронтах Первой мировой войны) издал в Уфе свои переводы брошюр сельскохозяйственного и медицинского содержания⁸⁹. Известно, что в 1912–1913 гг. переводы антиалкогольных брошюр Н.А. Матвеева и Г.Т. Тихонова вышли в Казани на средства уфимских губернского комитета Попечительства о народной трезвости и епархиального комитета ПМО⁹⁰. Утверждается, что из-за отсутствия средств последний не сумел наладить дело по переводу и изданию чувашских книг⁹¹. В 1914 г. Уфимский отдел православного Палестинского общества опубликовал в Казани миссионерскую чувашскую брошюру, переводчик которой неизвестен⁹². К слову, ещё в 1900 г. по его заказу священник А.С. Иванов перевёл брошюру о Палестине⁹³.

На работе переводческих центров негативно отражалась борьба вокруг системы Н.И. Ильминского: в 1910 г. при реорганизации Казанской учительской семинарии переводческая деятельность при ней была прекращена⁹⁴, в 1912 г. попечитель Казанского учебного округа Н.К. Кульчицкий запретил И.Я. Яковлеву издавать книги без своей санкции⁹⁵. В 1912 г. «совершенно остановилось» переводческое дело в Самарской епархии⁹⁶. В 1914 г. Самарский комитет ПМО разрешил Д.Ф. Филимонову провести съезд переводчиков, но высказался против

возобновления их работы: «В настоящее время не видно необходимости в переводе на инородческие языки»⁹⁷. В 1906–1908 гг. из-за негативного отношения руководства МНП к системе Н.И. Ильминского не удалось открыть центральную чувашскую школу в с. Туарма Самарской губернии, призванную в т.ч. расширить переводческое дело на чувашском языке⁹⁸.

Говоря о переводческих центрах, М.П. Петров отмечал: «Здесь были мастерские переводов, в кружках преданных делу людей вырабатывалась техника, устанавливались термины, насаждались и укреплялись традиции переводческой работы»⁹⁹.

Организация и техника работы чувашских переводчиков. Теоретические основы и приёмы перевода на «инородческие» языки были разработаны и апробированы Н.И. Ильминским и развиты Казанской переводческой комиссией. Работа последней строилась таким образом, что переводы составлялись при участии «инородцев», подвергались «действительному испытанию и постепенной обработке» в школах и церковном богослужении, что приводило «к установлению и как бы открытию законов и приёмов инородческого переложения и вероучительной терминологии»¹⁰⁰. Н.И. Ильминский внёс личный вклад в становление чувашского переводческого дела, опубликовав статью с разбором критических замечаний на книги И.Я. Яковлева¹⁰¹. Его наследие было усвоено чувашскими переводчиками.

Следуя совету Н.И. Ильминского начинать перевод христианской литературы со священной истории и Евангелия, затем переходить к молитвам и только при наличии опытных и подготовленных переводчиков – к догматической и богослужебной, И.Я. Яковлев начал со священной истории и религиозно-нравственных книг, более доступных для перевода, а получив достаточную подготовку, приступил к переводу Евангелия¹⁰². Другим чувашским переводческим центрам эта работа была не под силу. Самарский священник в частном письме признавался: «Конечно, очень желательно как можно скорее видеть на чувашском языке послания св. апостолов, но боязно за них браться, так как там требуется большая точность и богословское знание»¹⁰³.

Н.И. Ильминский положил в основу «инородческого» перевода разговорный язык, требуя от своих последователей учиться у народа. И.Я. Яковлев признавался, что при обучении народному языку ему приходилось делать большие усилия над собой, общаться с малообра-

зованными крестьянами, «сохранившими родную речь в её неприкосновенности»¹⁰⁴.

Помня слова Н.И. Ильминского о том, что на «инородческие» языки можно перевести всё, включая Евангелие¹⁰⁵, И.Я. Яковлев ещё в начале своего переводческого поприща в ответ на расхожие утверждения о бедности чувашского языка заявил, что он «не настолько беден», чтобы не перевести на него Библию и богослужебные книги. Он признавал, что это трудная задача¹⁰⁶, т.к. христианство не обогатило чувашский язык, потому что чуваша усвоили его поверхностно. И Д.Ф. Филимонов писал, что чувашский язык «народный и не разработанный, на нём для наименования каждой из сторон духовной природы человека и для обозначения разнообразных оттенков душевной деятельности точно установленных научных терминов нет»¹⁰⁷, хотя был убеждён, что не существует «ни одной идеи, которую бы нельзя было передать на чувашском языке»¹⁰⁸. И.Я. Яковлев писал, что с развитием христианского образования чувашский язык будет обогащаться новыми словами, «возвышаться и освящаться христианским содержанием»¹⁰⁹. Понимая значение перевода Библии для развития чувашской литературы, он сожалел о прекращении её издания в 1918 г.¹¹⁰ по идеологическим причинам. Также и М.П. Петров писал о красоте чувашского языка в переводах Нового Завета и ратовал за использование опыта дореволюционных переводчиков советскими¹¹¹.

Н.И. Ильминский указывал, что перевод христианских книг на языки народов Поволжья облегчается наличием переводов на татарский язык, поскольку обороты последнего «почти буквально» передаются на поволжских языках, в т.ч. финно-угорских¹¹². Первые чувашские переводы под редакцией И.Я. Яковлева были сделаны с крещенотатарских изданий. Они же служили подспорьем для других переводчиков. Например, священник В.Я. Смелов с помощью татарского служебника перевел на чувашский язык ектении и возгласы литургии¹¹³.

Вслед за Н.И. Ильминским, призывавшим к простоте изложения в соответствии с уровнем развития народа, снабжению непонятных мест комментариями с примерами¹¹⁴, один из самарских переводчиков советовал не подражать русскому литературному языку, с которым незнакомы чувашские крестьяне, разбивать сложные и длинные предложения на короткие, избегать подстрочного перевода (первым от этого отказался Н.И. Золотницкий¹¹⁵), распространять или сокращать текст

оригинала применительно к чувашской жизни¹¹⁶. Н.В. Никольский также писал о предпочтительности перифрастического перевода (описательной передачи содержания в другой форме и другими словами), добавляя: «Исключение должно быть допущено только для книг Священного Писания и богослужебного характера»¹¹⁷.

Вольные переводы рождали вопрос об их жанровой принадлежности. Г.И. Комиссаров привёл пример того, что О.Г. Романов и Н.М. Кедров взяли сюжеты из русских назидательных книг и приспособили их к чувашской жизни, а для того, чтобы получить цензурное разрешение и напечатать на средства ПК ПМО, дали брошюрам религиозные названия. Такие «переложения» он называл полуоригинальной и оригинальной беллетристической литературой¹¹⁸, Д.Ф. Филимонов – «самостоятельным изложением (составлением)»¹¹⁹. К подобному приёму, позволяющему печатать оригинальные труды под видом просветительских, прибегали и другие чувашские авторы. Так, в 1911 г. Н.В. Васильев (Шубоссинни) издал сборник своих стихотворений, назвав его «Бросьте пить водку и курить табак».

Религиозные тексты требовали «осторожности и благоразумной осмотрительности»¹²⁰, дабы не допустить догматической ошибки. Переводчики-миссионеры хорошо понимали это: «Осторожность, тщательное взвешивание каждого текста Св[ященного] Писания, каждого переводческого выражения являются постоянными спутниками переводческой комиссии», – отмечал Н.В. Никольский¹²¹. В первое время для проверки переводов привлекались учителя братских школ, которых Братство св. Гурия в летнее время собирало в Казани на курсы повышения квалификации¹²². ПК ПМО приглашала опытных переводчиков с мест. Например, в один из таких приездов в Казань Д.Ф. Филимонов просмотрел и исправил до 50 чувашских рукописей¹²³.

Рукописи, поступавшие в переводческие организации, подвергались рецензированию, после чего слабые отклонялись или возвращались авторам на доработку. Но рецензия рецензии рознь: И.Я. Яковлев оставил без внимания замечания профессора П.А. Юнгерова на перевод Псалтыри, поскольку тот не знал чувашского языка¹²⁴. По аналогии с религиозными переводами, чувашские переводчики указывали на желательность оценки светских специалистами в своей области¹²⁵.

ПК ПМО реагировала на отзывы читателей, поступавшие в её адрес или к казанским иерархам. Так, И.Я. Яковлев признал справедли-

вость ряда критических замечаний священника В.Я. Смелова, после чего исправил свои переводы. Его позиция заключалась в том, что неточности и ошибки естественны «в столь большом деле», как переводы¹²⁶.

Ответственность за текст несёт и редактор. Соглашаясь с упреками, что самарские переводы «слабы и плохи», священник А.С. Михайлов признавал, что как редактор поначалу пропускал слабые рукописи, «чтобы открывать [им] дорогу», и только со временем, когда их количество умножилось, стал относиться к редактированию строже¹²⁷.

И.Я. Яковлев предупреждал об опасности неудачным переводом «положить раскол между православными и инородцами». По примеру Н.И. Ильминского в своих книгах он не исправлял ошибок, допущенных в русских переводах с греческого языка, делая исключение лишь в случаях, когда это «можно было сделать незаметно»¹²⁸. Несмотря на это, удостоился обвинений в том, что «своими неправильными переводами искажает истину и вводит чуваш в ересь»¹²⁹. Не разбираясь в переводческом деле, «антиильминисты» выступали против «отступлений и описательных выражений» в переводах священных книг и «желания всё передать на простом, грубом родном языке»¹³⁰.

Чувашские просветители следовали правилам издания книг, подготовленных Братством св. Гурия¹³¹, и требованиям Н.И. Ильминского проверять «общепонятность (переводов. – Ю.Г.) чрез чтение народу»¹³². Самарские переводчики для проверки «правильности и удобопонятности» переводов читали их «толковым» крестьянам или обращались за советом к опытному коллеге-соседу¹³³. Поскольку в диалектах одно и то же слово может иметь разное значение, к проверке привлекали чувашей из разных местностей. К примеру, в 1908 г. под руководством Н.В. Никольского ученик Казанской учительской семинарии И.Е. Ефимов (Тхти) перевёл «Задачник» для начальных школ, стилистическую правку которого выполнили его товарищи – уроженцы Буинского, Чебоксарского и Ядринского уездов¹³⁴. И.Я. Яковлев писал, что ради «ясности и доступности» перевода Евангелия многократно прочитывал отрывки из него «различным личностям из чуваш различных местностей и в случае непонимания их» исправлял текст¹³⁵.

Переводы, подготовленные в Симбирской чувашской школе, являлись плодом коллективного творчества: после того как их составляли отдельные сотрудники, десятки раз читались коллективно. Выпускник

школы Д.П. Петров (Юман) вспоминал: «Переводили Псалтирь, апостольские деяния. Из-за одного оборота речи спорили по три дня... Стесняет кровь эта работа. Мы, переводчики, как один не верим в Бога, но мучаемся. Успокаиваем себя, что это чувашское дело»¹³⁶. В сложных случаях рукописи посылали на отзыв и просмотр учителям и священникам из числа выпускников школы. И.Я. Яковлев ценил сотрудников с литературным чутьем и, «не считая себя исключительным мастером в этом деле» содержал их при школе, как, например, Ф.Д. Данилова¹³⁷. Регулярно он обращался за помощью к Д.Ф. Филимонову¹³⁸.

А.П. Петров (Туринге) указывал, что подготовка рукописей велась «усердно, старательно и тщательно», переводчики стремились к точной передаче текста, правильности языка, его «легкости и удобопонятности», чтобы перевод вызывал у слушателей «те же чувства и мысли», что и оригинал. Каждый перевод читался всеми учителями школы, а в заключение – И.Я. Яковлевым, который проявлял щепетильность и придирчивость, пользуясь изданиями переводимой книги на разных языках, справочными изданиями и советами специалистов¹³⁹. А.И. Яковлев сообщал, что в руках его отца собирались «целые горы рукописных эскизов переводов и поправок к ним», которые получали окончательную обработку на его письменном столе¹⁴⁰. В результате переводы изменялись до неузнаваемости, доводясь до совершенства¹⁴¹. Иными были отзывы о чувашских переводах богослужебных книг, выполненных в Казани. Священник М. Петров указывал, что они содержат «ошибки и разночтения», допущенные переводчиками по «непониманию» и «халатности»¹⁴².

Работу группы И.Я. Яковлева иллюстрирует пример с переводом Псалтыри. Сначала около 10 лет он готовился в Симбирской чувашской школе. За основу был взят оригинал на церковнославянском языке, использованы издания на греческом, латинском, французском, немецком, русском языках, симфонии на книги Ветхого и Нового Завета, словари, святоотеческие и научные толкования Псалтыри. Рукопись проверялась с помощью учеников и после указаний на неправильности в языке и переводе каждый раз переписывалась. После 5–6-кратной переписки поступила в ПК ПМО на редактирование, которое было поручено её члену П.А. Юнгеру и чувашским переводчикам К.П. Прокопьеву и Н.М. Кедрову. Редакторы работали два года, после чего рукопись получила одобрение цензуры и была напечатана тиражом в 150 экз. для обсуждения и проверки знатоками языка и специалистами. Параллельно

тем же занимались переводчики. По итогам коллективной работы в текст были внесены правки, и только затем, как безупречный в отношении языка и точности перевода, он был одобрен для второго, теперь уже массового издания. Однако и в последующие издания книги вносились исправления¹⁴³.

Такой способ издания религиозных книг находил понимание не у всех. В частности, симбирский архиепископ Никандр обвинил И.Я. Яковлева в отсутствии «благоговейного отношения к переводам слова Божия»¹⁴⁴. На самом деле И.Я. Яковлев следовал взглядам Н.И. Ильминского, считавшего церковнославянский текст Священного Писания и богослужебных книг за основной, а «инородческие» переводы – пособием, мостом к нему¹⁴⁵. И.Я. Яковлев писал, что исправления чувашских переводов «не могут представлять тех затруднений и опасностей, с какими сопряжено было бы изменение, например, текста славянского»¹⁴⁶.

Сотрудники Британского и иностранного Библейского общества дали высокую оценку системе работы И.Я. Яковлева, но отметили, что она требует значительных денежных расходов. Именно поэтому последний считал излишним окончательно оформлять текст рукописи до решения вопроса о её издании, предпочитая вносить основные исправления при первой верстке¹⁴⁷. Обычно, по его словам, бывало пять корректур¹⁴⁸.

Количество типографских опечаток напрямую зависело от профессионализма типографских работников (наборщиков, корректоров), среди которых были и чувашские переводчики: Т.С. Семенов (Тимки Тайр), Н.М. Кедров и др. Н.В. Никольский отмечал качественную работу с чувашским шрифтом типографии А.М. Петрова в Казани, указывая, что другие типографии допускают много ошибок¹⁴⁹. Как правило, опечатки исправлялись при переизданиях. Отдельные авторы, например Д.Ф. Филимонов, делали это в своих экземплярах вручную¹⁵⁰.

Тексты, прошедшие проверку временем, приобретали статус эталонных. Скажем, самарские переводчики включали в свои переводы тексты из чувашских изданий Библии и церковных песнопений без изменений¹⁵¹.

Чувашские переводчики: подготовка, профессиональное мастерство. В рассматриваемый период отсутствовали учебные заведения по подготовке переводчиков, первые из них были самоучками. С открытием центральных «инородческих» школ в них началась подготовка переводчиков. Зимой учащиеся под руководством администрации школ

обучались навыкам переводческого дела, летом на каникулах совершенствовались в родном языке через повседневное общение и этнографические наблюдения¹⁵². И.Я. Яковлев писал, что в свободное от занятий время к переводам под руководством учителей привлекались воспитанники, «более или менее основательно» знающие русский и чувашский языки¹⁵³. Отметим, что должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа позволяла ему набирать в свою школу наиболее способных выпускников сельских училищ¹⁵⁴. Симбирская чувашская школа подготовила немало переводчиков, которые работали во всех чувашских переводческих центрах. В начале XX в. над чувашскими переводами трудились сотни авторов¹⁵⁵.

Современники предлагали готовить переводчиков на миссионерских курсах при Казанской духовной академии и в других миссионерских организациях с участием ПК ПМО, отмечая, что занятия переводом требуют основательной лингвистической подготовки и вырастить хорошего переводчика стоит больших усилий¹⁵⁶. К слову, опытные переводчики, например Н.В. Никольский, охотно помогали начинающим коллегам¹⁵⁷.

Н.И. Ильминский считал, что переводами могут заниматься священники без знания языка при наличии помощника из толковых «инородцев», даже считал приоритетным, чтобы на первых порах переводчиками были русские люди, как наиболее подготовленные в христианском учении¹⁵⁸. На практике русское духовенство встало в оппозицию его системе. Д.Ф. Филимонов отмечал, что русские священники считали переводы «совершенно ненужными для чуваш» или относились к ним «с некоторого рода пренебрежением и критически», заявляя: «Если бы мы делали чувашские переводы, то перевели бы их много лучше», однако участия в этом деле не принимали¹⁵⁹. Конечно, были и исключения. Д.Ф. Филимонов отмечал священника с. Ковали Цивильского уезда, благочинного В.П. Ильинского, под руководством которого занимался переводами в бытность священником в церкви с. Мусирмы. В.П. Ильинский окончил Казанскую духовную семинарию, после назначения в Ковали овладел чувашским языком и перевел на него ектении и другие молитвословия, составил поучения прихожанам, совершал богослужения на чувашском языке по рукописи, потому что печатных в то время не было. В 1880-х гг. познакомился с Н.И. Ильминским и стал его горячим приверженцем¹⁶⁰. Основываясь на опыте, И.Я. Яковлев пи-

сал, что переводчиками должны быть выходцы из народа, связанные с ним духовными узами¹⁶¹.

В начале XX в. переводчики осознали себя цеховым сообществом. Самарские переводчики регулярно проводили съезды, на которых решались практические вопросы по профессиональной деятельности, происходил обмен мнениями. В 1911 г. на одном из них Н.В. Никольский от имени ПК ПМО озвучил программу теоретической и практической подготовки переводчиков: 1) изучение грамматики «инородческих» языков, словарей и переводов предшественников, 2) личное участие в сборе фольклорного материала для знакомства с «народной литературой», 3) упражнение в вопросах теории и практики переводческой работы по типу трудов Н.И. Ильминского¹⁶². В 1905 г. ПК ПМО также созвала в Казани съезд переводчиков и учителей, на котором были обсуждены вопросы по развитию переводческого дела. Оценив пользу подобных форумов, делегаты постановили проводить их регулярно, а также учредить печатный орган для объединения переводчиков¹⁶³. Что касается чувашских переводчиков, то известно об их собрании на квартире Н.В. Никольского 12 октября 1908 г. по вопросу издания переводных книг¹⁶⁴.

Изучение фольклора являлось обязательным условием совершенствования в родном языке. Например, Д.Ф. Филимонов писал о необходимости издания фольклора для «разработки языка при составлении инородческих переводов»¹⁶⁵. И.Я. Яковлев признавался, что «близко и основательно познакомиться с чувашским языком» ему помог сбор фольклора в студенческие годы¹⁶⁶. По заключению М.Я. Сироткина, благодаря богатству родного языка переводы И.Я. Яковлева «воспринимались читателями как образцы своей литературы»¹⁶⁷. Он же отмечал, что зачинателями чувашской литературы (добавим: также гуманитарных наук¹⁶⁸) были люди, связанные с переводческим делом¹⁶⁹. Многие из них занимались сбором, обработкой и изданием фольклора. Показательно, что первая антология чувашской литературы с поэтическими произведениями К.В. Иванова, Н.В. Васильева (Шубоссинни) и М.Ф. Фёдорова была издана И.Я. Яковлевым в 1908 г. под видом фольклорного сборника, чтобы избежать обвинений в создании чувашской национальной литературы. Однако единого подхода к публикации фольклора и адресации его изданий у чувашских переводчиков не было. И.Я. Яковлев считал, что сборники фольклора должны издавать на-

учные учреждения небольшими тиражами для научных целей, «а не для распространения в народе»¹⁷⁰, хотя включал фольклорные тексты в свои буквари и напечатал сборник чувашских народных песен. Д.Ф. Филимонов также отдавал издание фольклора на откуп учёным, считая это занятие неблаговидным для священника, однако в число адресатов таких сборников наряду с учёными и переводчиками включал грамотных крестьян¹⁷¹.

Труд переводчика требует большой самоотдачи и времени. Д.Ф. Филимонов, чья переводческая деятельность началась в 1880-х гг., когда ещё не было богослужебных книг на чувашском языке, вспоминал, что накануне церковных праздников и воскресных дней просиживал до двух часов ночи за переводами тропаря, величаний и др., так что за три года перевёл более 50 поучений. В самарский период жизни редакторская работа вкуче с обязанностями благочинного занимала у него до 18 часов в сутки¹⁷². Д.П. Петров писал, что И.Я. Яковлев работал по 16 часов в сутки, не отдыхал в праздники, не имел отпусков¹⁷³. На нехватку времени из-за служебных и домашних дел сетовали в письмах многие чувашские переводчики.

В ходе работы переводчики обзаводились рабочими библиотеками. Вероятно, многие, подобно Н.А. Матвееву, покупали книги по чувашскому языку Н.И. Ашмарина¹⁷⁴. В библиотеке Д.Ф. Филимонова имелось много «разных словарей (иностранных, татарских, русско-чувашских и т.п.) и других пособий по части переводческих работ», а также книг по востоковедению. Богатой последними была библиотека священника А.С. Иванова из г. Бугульма¹⁷⁵.

Современники отмечали мастерство отдельных чувашских переводчиков. Вот отзыв одного из них о книгах священника Н.К. Кузьмина: «Что за прелесть его поучения – задушевные, целиком проникнутые духом любви к тёмному, убогому народу-карлику»¹⁷⁶. По общему признанию, талант трогательно писать религиозные поучения и наставления отличал Д.Ф. Филимонов¹⁷⁷, который добивался совершенства в муках творчества: например, рукопись своей первой брошюры исправлял и переписывал семь раз¹⁷⁸. М.Я. Сироткин отмечал, что в попытках приблизить язык переводов к языку оригинала чувашские переводчики учились мастерству у лучших русских писателей¹⁷⁹.

Мотивация труда переводчиков. Братство св. Гурия из-за стеснённости в средствах переводчикам не платило. Переводчики Самар-

ской подкомиссии ПК ПМО также работали «не ради mzды земной, а во славу Божию», их усердие отмечалось поощрениями по службе. Кстати, по той же причине на самарских изданиях не указывались имена переводчиков и редакторов¹⁸⁰. И.Я. Яковлев, наоборот, всегда указывал своё авторство¹⁸¹.

Чувашские просветители рассматривали труд переводчика как занятие не только богоугодное, но и «во благо народа своего»¹⁸². «Мы работали исключительно во имя культурного развития своего рода-племени, работали сознательно, искренне и совершенно бескорыстно», – писал Д.Ф. Филимонов¹⁸³. В 1906 г. автор газетной корреспонденции, указывая на необходимость чувашских книг для народа, призывал интеллигенцию заниматься переводами без гонорара, чтобы не увеличивать стоимость первых, и жертвовать деньги на их издание и распространение¹⁸⁴. Подобные призывы имели отклик: например, Н.В. Никольский мог пожертвовать корректорским гонораром, если считал книгу хорошей¹⁸⁵. Не удивительно, что из среды переводчиков вышли крупные общественно-политические и церковные деятели: Д.С. Эльмень, И.Я. Яковлев, Н.В. Никольский, Д.Ф. Филимонов, М.П. Петров, А.В. Рекеев и др. С приходом к власти большевиков и победой атеистической идеологии ситуация изменилась. «Наше положение вообще незавидное, – писал Н.В. Никольский Д.Ф. Филимонову в декабре 1917 г. – Мы, прежние деятели, отёрты, загнаны»¹⁸⁶. Что касается основной массы переводчиков, то их судьба сложилась по-разному: одни продолжили переводческую деятельность в советских учреждениях (М.П. Петров даже оставил труды по теории переводческого дела¹⁸⁷), другие, как представители духовенства, подверглись гонениям и политическим репрессиям.

Важной мотивацией служила возможность публиковаться. Так, самарский священник И. Дмитриев согласился участвовать в переводческой работе с условием: «Если только мой перевод будет допускаться до печати»¹⁸⁸. Диакон Н. Антонов признавался, что издание своего перевода на чувашский язык считает «большой честью» для себя, а по выходе книги из печати сразу выслал её на родину¹⁸⁹.

Ставка на бесплатный труд показала свою несостоятельность: многие переводчики не могли похвастаться достатком. В отличие от Братства, ПМО выделяло средства на оплату труда переводчиков. В начале XX в. в ПК ПМО действовали следующие расценки гонора-

ров: авторам за оригинальные произведения, издаваемые впервые, – 3 руб. за печатную страницу в 8-ю долю; за переводные труды, издаваемые также впервые, – от 50 коп. до 3 руб. (в зависимости от сложности перевода); корректорам – по 10 коп. за страницу в 8-ю долю листа за корректуру с рукописи и по 5 коп. – с печатного издания¹⁹⁰. Известны и договорные расценки: перевод – 30 руб. за печатный лист, корректура – 3 руб.¹⁹¹ Финансовые трудности, время от времени переживаемые ПК ПМО, вносили в эту практику коррективы. Так, в 1890-х гг. для уменьшения издержек плата авторам и корректорам не производилась¹⁹². В 1877 г. из-за нехватки денег И.Я. Яковлев задержал выплату гонорара за корректуру А.В. Рекееву¹⁹³. В 1911 г. ПК ПМО предложила самарскому филиалу ввести плату переводчикам в размере от 8 руб. за печатный лист¹⁹⁴. Что касается ПК при КУО, то труд её переводчиков, редакторов и корректоров оплачивался изначально. Например, Н.В. Никольский за «Чувашско-русский словарь» получил 640 руб., Н.И. Ашмарин за 1-й том чувашского словаря – 160 руб.¹⁹⁵ В 1906 г. уфимское совещание по изданию переводов и книг для «инородческих» школ Оренбургского учебного округа признало необходимым поощрять авторов лучших книг и учебников премиями: 1-й степени – в размере 300 руб., 2-й – 150, 3-й – 50¹⁹⁶.

В июне 1917 г. I Общечувашский национальный съезд наметил программу по изданию чувашской литературы, высказавшись о желательности вознаграждения за переводы¹⁹⁷.

Итак, в описываемый период сложились чувашские переводческие центры в губернских городах Урало-Поволжья, была налажена система подготовки переводчиков и повышения их профессионального мастерства, развивались теория и техника переводческого дела. Обращение переводчиков к русскому, татарскому и другим языкам обогатило словарный состав и семантику чувашского литературного языка.

3. Вопросы издания чувашских книг

Центры издания чувашских книг. Чувашские переводческие центры, за исключением самарского, являлись также издательскими. В Казани чувашские книги печатались с начала XIX в. В описываемый период, кроме книг Казанской переводческой комиссии, здесь выпускались переводы её самарского филиала, ПК при КУО, а в годы револю-

ций – и чувашских национальных организаций. В Симбирске печатались книги, подготовленные под руководством И.Я. Яковлева (первая – в 1876 г.), в 1917 г. также Симбирским чувашским обществом. По косвенным данным, издание чувашских книг в Уфе началось в 1913 г. при участии переводчика Н.А. Матвеева¹⁹⁸, по документированным – первая книга вышла в свет в 1914 г.¹⁹⁹ Как видно, вскоре оно остановилось, потому что в 1914–1915 гг. работники Миссионерского комитета Уфимской епархии Г.И. Комиссаров, В.А. Петров и П.П. Шленкин предприняли попытки по его возобновлению с помощью губернского земства и проектируемых чувашского просветительного общества и товарищества по изданию книг, но потерпели неудачу из-за строгости «старорежимных порядков» и индифферентности чувашских крестьян²⁰⁰.

По документам, у членов ПК ПМО отсутствовало взаимопонимание по вопросам о праве собственности на издания и порядке их финансирования, что приводило к конфликтам. И.Я. Яковлев вспоминал, что в 1896 г. делопроизводитель ПК ПМО Н.В. Никольский без ведома Братства св. Гурия стал переиздавать пользующиеся спросом симбирские издания, чем сделал «подрыв» его торговле. И.Я. Яковлев явился на заседание Казанской переводческой комиссии и добился права самостоятельно издавать свои переводы, представляя их в неё только на цензуру²⁰¹. К слову, даже в 1918 г. он утверждал, что ПК ПМО приписывала себе его работу по переводу Библии на чувашский язык²⁰². Известно, что И.Я. Яковлев самостоятельно назначал цены на свои издания, а в советское время распродал их с книжного склада при Симбирской чувашской школе в свою пользу²⁰³.

Отдельные члены ПК ПМО воспринимали самостоятельность И.Я. Яковлева как чрезмерную. В феврале 1906 г. на заседании ПК ПМО было оглашено письмо И.Я. Яковлева с просьбой о высылке денег на погашение долгов перед одной из симбирских типографий. В ответ на это Н.Ф. Катанов заявил, что проситель печатает свои издания, не сообразуясь с финансовыми возможностями комиссии, и не представляет в её распоряжение одной трети от тиража, на что последняя имеет право исходя из принципа равного распределения дохода между автором, издателем и комиссионером. По мнению Н.Ф. Катанова, в ПК ПМО сложилась негодная практика распределения средств, при которой чувашские книги издавались в ущерб татарским, марийским, киргизским и др. Он предложил принять постановление, обяза-

вающее И.Я. Яковлева и других лиц, печатающих свои книги на средства ПК ПМО вне Казани, высылать в её пользу треть тиража, а также не позже чем за полгода уведомлять о планируемых изданиях, их объёме и тираже, при нарушении чего не оплачивать расходов на их издание и вознаграждения сотрудников. До постановления дело не дошло, однако мнение Н.Ф. Катанова было доведено до И.Я. Яковлева²⁰⁴. В 1900 г. Н.А. Бобровников также писал о лидерстве в ПК ПМО чувашских изданий: «Мы здесь, в Казани, не успеваем справляться с работами на иных, кроме чувашского, языках»²⁰⁵.

Чувашские просветители старались применять российский опыт издания миссионерской литературы. В 1897 г. Д.Ф. Филимонов ходатайствовал перед казанским архиереем об издании на чувашском языке листков религиозно-нравственного содержания под названием «Христианское поучение» (по примеру многих церквей и монастырей) на средства Ишаковской церкви Чебоксарского уезда. Указывал, что перевод без платы могли выполнить священники Цивильского уезда В.П. Ильинский, П.В. Васильев, В.С. Зайков, В. Ефремов, рукописи – проходить цензуру в ПК ПМО. По его расчетам, на 100 руб. можно было напечатать до 20 тыс. экз. листков в год для раздачи богомольцам²⁰⁶. О реализации этого проекта нам неизвестно.

Чувашское книгоиздание: внебюджетные источники финансирования, чувашский шрифт, статистика. В начале XX в. появился покупательский спрос на чувашские книги, что расширило финансовые возможности книгоиздателей. Так, в 1906 г. ПК ПМО профинансировала одно из изданий И.Я. Яковлева с условием возврата средств из выручки от продажи²⁰⁷. Спрос на книги расширил круг её издателей. Способствовала этому и позиция ПК ПМО по привлечению частных средств из-за ограниченности своего бюджета. В сентябре 1905 г. чувашская секция съезда сотрудников ПК ПМО признала возможным религиозно-нравственные книги издавать на коммерческих началах, т.е. на принципе окупаемости, когда книга печатается на средства переводчика и поступает в его собственность, а ПК ПМО оказывает содействие в её реализации со своих складов²⁰⁸.

И.Я. Яковлев был первым чувашским автором, кто стал издавать книги за свой счёт, окупив затраты. Его примеру последовали П.В. Пазухин, Н.В. Никольский, И.Н. Юркин, А.И. Иванов, Т.К. Кириллов и др. Книги, опубликованные авторами, приносили прибыль, обходясь в разы

дешевле, чем книги ПК ПМО, на стоимость которых влияли расходы на гонорары²⁰⁹. Помогало им и то, что типографии предоставляли отсрочку по оплате²¹⁰.

Традиционно книги издавались на пожертвования. В 1905 г. слушатели Казанских миссионерских курсов собрали и передали Н.В. Никольскому (вероятно, по его просьбе) небольшую сумму на издание чувашских переводов²¹¹. Способов привлечения пожертвований было множество. В 1901 г. при Самарском епархиальном комитете ПМО по инициативе Д.Ф. Филимонова был создан фонд имени Н.И. Ильминского для издания «инородческих» книг²¹². В 1906 г. решением Самарской переводческой подкомиссии ПК ПМО было введено самообложение с нерусского духовенства Самарской епархии в виде сбора на те же цели²¹³. Подобное практиковалось и в Казанской епархии: например, в 1908 г. в Чебоксарском уезде на издание чувашских книг было собрано по 3 руб. с церковного причта²¹⁴.

Применялся проверенный способ издания книг на средства от подписки: в 1906 г. по инициативе Н.В. Никольского ПК ПМО обратилась к архиереям Казанской и соседних епархий с просьбой организовать подписку на чувашский перевод «Кратких поучений на все воскресные дни», издать который она не могла из-за ограниченности средств²¹⁵. Практиковалось книгоиздание «на паях» (в складчину).

Чувашские эсеры издавали книги на партийные средства, а также частные пожертвования предпринимателей, сочувствующих демократическим идеям. Например, несколько брошюр было напечатано на деньги ядринского промышленника З.М. Таланцева.

В начале XX в. к изданию чувашских книг обратились коммерсанты. Например, слепец-книгоноша из д. Енькасы Чебоксарского уезда Ф.П. Прокопьев, торговавший чувашскими изданиями ПК ПМО на сельских базарах, издавал миссионерские брошюры тиражами в 1200–3000 экз.²¹⁶

Окружной инспектор Казанского учебного округа В.А. Ислентьев отмечал: «По богатству книг на инородческих языках, благодаря просветительской деятельности Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева, счастливее всех... крещёные татары и чувашаи»²¹⁷. Д.Ф. Филимонов указывал, что в начале XX в. ежегодно печаталось 10–20 книг на чувашском языке тиражами в десятки тысяч экземпляров²¹⁸. В 1867–1871 гг. было издано 12 книг на чувашском языке, включая двуязычные (7 учебных,

5 религиозных), а в 1872–1917 гг. – 729 (в среднем – 16 в год), следующей тематики: церковно-богослужебная – 439 (60,55 %), социально-политическая – 90 (12,41 %), научно-популярная – 78 (10,76 %), учебная – 63 (8,69 %), художественная – 55 (7,59 %) ²¹⁹. По данным О.Р. Студенцова, религиозных книг больше, а именно 465, поскольку некоторые по названию ошибочно отнесены к социально-политической, учебной или художественной литературе; общий тираж книг на чувашском языке яковлевского периода составляет около 1 млн 240 тыс. экз. ²²⁰ Исследователи отмечают непостоянство количественной динамики издания чувашских книг, выделяя семь резких перепадов с пиками в 1894, 1897, 1898, 1905, 1908, 1910, 1913 гг. ²²¹ С началом Первой мировой войны издание чувашских книг сократилось в два раза ²²². Среди книг на чувашском языке переводы с русского составляют 78 %, причём воспроизводят оригинал даже внешним оформлением ²²³.

Издание чувашских книг требовало особого шрифта, цена на который была довольно высокой. В 1900 г. 3,5 пуда чувашского шрифта (этого было достаточно для издания книг) стоили 130 руб. ²²⁴ Известно, что в 1885 г. при участии И.Я. Яковлева две типографии Симбирска вступили в переписку с Петербургом об изготовлении чувашского шрифта ²²⁵ (типография А.Т. Токарева его приобрела). Из-за отсутствия чувашского шрифта в типографиях Самары и уездных городов Самарской губернии переводы, подготовленные Самарской подкомиссией ПК ПМО, печатались в казанской типографии В.М. Ключникова, что требовало дополнительных расходов на почтовую пересылку и наём корректора (первоначально предполагалось, что они будут печататься в типографии, арендуемой Самарской духовной консисторией, но последняя отказалась от покупки чувашского шрифта из-за того, что ПК ПМО не утвердила положение о подкомиссии) ²²⁶.

В Уфе чувашским шрифтом располагала одна типография. Известно, что он был приобретён по инициативе переводчика Н.А. Матвеева, как следует из его письма – в марте 1913 г. ²²⁷ В Казани чувашский шрифт имели также не все типографии, скажем, в 1884 г. – только типография В.М. Ключникова ²²⁸. В одном из писем Д.Ф. Филимонов сообщал Н.А. Бобровникову, что прожил в Казани три дня, но не сумел закончить печатание своей брошюры из-за отсутствия в типографии «чувашских букв с хвостиками» ²²⁹.

В 1906–1907 гг. в Казани действовала подпольная типография, в которой печатались революционные прокламации и листовки на чувашском языке, шрифт для которой чувашские эсеры украли из казанской Центральной типографии²³⁰.

Лидерство по количеству чувашских изданий принадлежит Казани: в 1872–1917 гг. в ней было издано 82,3 % книг на чувашском языке, в Симбирске – 17,7 %²³¹. По неполным данным, в Казани в издании чувашской книги было задействовано 8 типографий, среди которых лидировали Центральная (более 100 названий), Университетская (ок. 70), В.М. Ключникова (ок. 50); в Симбирске – 5, лидером являлась типография А.Т. Токарева (не менее 30 названий)²³², в Уфе – одна. По свидетельству И.Я. Яковлева, цены на типографские услуги в Симбирске были «значительно дешевле» чем в Казани²³³.

Зародившись в Казани, чувашское книгоиздание распространилось на Симбирск и Уфу. Благодаря инициативе и активности чувашских просветителей, сплотивших вокруг себя кадры переводчиков, чувашская книга заняла ведущие позиции наряду с татарской. Две трети чувашских изданий приходятся на переводную религиозную литературу, чуть более одной пятой – на оригинальную национальную. Во второй половине XIX в. издание чувашских книг осуществлялось в основном за счёт государства и общественных благотворительных организаций, в начале XX в. с формированием книжного рынка выросла доля частных средств, в числе которых появились коммерческие.

«Раскол в чувашском правописании». Реализация системы Н.И. Ильминского вызвала необходимость организовать работу по составлению алфавитов и орфографических правил языков народов Поволжья²³⁴, в ходе которой была создана новая чувашская письменность, отвечающая фонетике языка. Её формирование проходило в остром соперничестве между И.Я. Яковлевым и Н.И. Золотницким.

В старочувашской письменности применялся русский алфавит, не соответствующий фонетическим особенностям чувашского языка, отчего переводные книги не были востребованы. Первым этот недостаток попытался устранить Н.И. Золотницкий, но остановился на полумерах²³⁵ (как увидим далее, он руководствовался требованиями «Правил об образовании инородцев» 1870 г.). В 1867 г. в рецензии на чувашский календарь Золотницкого И.Я. Яковлев оценил его реформу транскрипции как неудачную, обвинил в плохом знании чувашского языка и вы-

сказался за введение новых букв, выражающих фонетические особенности языка²³⁶.

И.Я. Яковлев усвоил учение Н.И. Ильминского, который считал, что алфавит «инородческих» языков должен основываться на кириллице, с небольшим её усовершенствованием за счет дополнительных букв, передающих специфику отдельных звуков языка. Исторически обосновывая свою позицию, Н.И. Ильминский писал: «Когда религия передаётся как сила образовательная и возрождающая на языке просвещаемого народа и является надобность переводить священные и богослужебные книги на местный язык, то алфавит, оставаясь в основе тем же, принимает дополнительные буквы по требованию этого языка»²³⁷. Несмотря на сопротивление ряда высокопоставленных чиновников, выступавших за применение русского алфавита без изменений для облегчения изучения «инородцами» русского языка, Н.И. Ильминский сумел отстоять свою позицию²³⁸. В 1872 г. под руководством И.Я. Яковлева был разработан чувашский алфавит (имел промежуточные редакции), который стал использоваться в его изданиях. Отметим, что первоначально И.Я. Яковлев разделял взгляды Н.И. Золотницкого на чувашский язык, например использовал йотированные гласные²³⁹, от которых затем отказался. Учебники И.Я. Яковлева были одобрены МНП, его транскрипция принята Казанской переводческой комиссией для чувашских книг, что привело к вытеснению книг Н.И. Золотницкого и заставило его сопротивляться.

Разногласия между миссионерами были отягощены неприязненными личными отношениями. В воспоминаниях И.Я. Яковлев уничижительно отзывался о Н.И. Золотницком²⁴⁰. В 1876 г. последний жаловался В.К. Магницкому, что в преддверии выхода его главного детища – «Корневого чувашско-русского словаря» (1875) – И.Я. Яковлев в ходе инспекторского объезда чувашских школ обливал его грязью²⁴¹. (О том, что И.Я. Яковлев «слишком резко отзывался» о Н.И. Золотницком, сообщал, например, учитель М.Ф. Фёдоров²⁴².) Н.И. Золотницкий пожаловался Н.И. Ильминскому, расстроив его «до последней степени», а в январе 1876 г. о противоречиях с И.Я. Яковлевым рассказал попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову. Последний посоветовал Н.И. Золотницкому защищать честь в суде. При этом заверил, что осуждает поступок инспектора и сделает ему внушение: «Он (И.Я. Яковлев. – Ю.Г.) подобными выходками опозорил себя, бу-

дучи обязан не унижать Вас, а относиться к Вам как к предместнику (предшественнику по занимаемой должности. – Ю.Г.) и деятелю заслуженному и рекомендовать своим подчиненным обращаться к Вам как к опытному педагогу». Попечитель поблагодарил Н.И. Золотницкого за «откровенное сообщение» и успокоил, сообщив, что приказал И.Я. Яковлеву «снова изменить чувашскую орфографию»²⁴³.

Разговор с попечителем последствий не имел, поэтому в 1877 г. Н.И. Золотницкий, воспользовавшись поручением составить годовой отчет Братства, самовольно включил в него критический отзыв о транскрипции И.Я. Яковлева, обвинив его, а заодно и П.Д. Шестакова, давшего разрешение на печатание яковлевских книг, в нарушении правил «О мерах к образованию инородцев» 1870 г. – «чуть не в государственной измене»²⁴⁴ («Правилами» утверждалось применение в «инородческих» школах учебников на родном языке, напечатанных «русскими буквами»²⁴⁵). В отзыве говорилось о недопустимости наличия в школах учебников с разными транскрипциями, о том, что яковлевская орфография затрудняет чтение чувашских книг русскими читателями. Выражалось пожелание, чтобы И.Я. Яковлев принял транскрипцию Н.И. Золотницкого как опытного переводчика²⁴⁶. Разразился скандал: оскорблённый П.Д. Шестаков вышел из Братства, а Совет Братства извинился перед И.Я. Яковлевым и в следующем годовом отчёте поместил объявление, что отзыв о чувашской транскрипции был напечатан «по недоразумению»²⁴⁷.

Н.И. Золотницкого поддерживали преимущественно русские интеллигенты (многие из них были знакомы с верховым чувашским диалектом), для которых его транскрипция была более понятной. Самым заметным был В.К. Магницкий, называвший Н.И. Золотницкого «отцом новой школы чувашефилов»²⁴⁸. В 1875 г., посылая Н.И. Золотницкому свою рукопись, он просил исправить её в соответствии с чувашским правописанием с целью «дать почувствовать Яковлеву, что его орфография не находит себе подражателей», добавив: «...а в статьях, подобных моей, текст с его орфографией для публики – лишний балласт»²⁴⁹. Тогда же он написал статью «о расколе в чувашском правописании», которую редактор неофициальной части «Казанских губернских ведомостей» Н.Ф. Юшков отказался печатать «как очень резкую»²⁵⁰.

И.Я. Яковлев ответил, когда В.К. Магницкий решил перейти из судей в ведомство МНП. В 1876 г. в ответ на просьбу В.К. Магницкого

оказать содействие в смене места службы И.А. Износков советовал ему хлопотать о месте инспектора училищ в чувашской местности через И.Я. Яковлева, рекомендуя изучить яковлевские издания и «хорошенько усвоить правописание, им принятое», чтобы «окружной инспектор чувашских школ вполне убедился бы, что Вы будете действовать в том же направлении, в каком он действует»²⁵¹. Искомое место инспектора училищ В.К. Магницкий получил только в следующем году, причем не в Казанской губернии, как рассчитывал, а в Вятской. В письме к И.Н. Юркину обескураженный этнограф пожаловался: «Всё это случилось непредвиденно из-за Яковлева, помимо моего желания, и так меня поразило, что я совсем пал духом и едва волочу ноги»²⁵².

В 1897 г. другой сторонник Н.И. Золотницкого, ядринский священник Н.А. Архангельский признался В.К. Магницкому, что пишет чувашские топонимы русскими буквами потому, что ему «не нравится... чувашская нынешняя транскрипция»²⁵³. Чебоксарский врач С.М. Вишневский также считал алфавит И.Я. Яковлева несовершенным, находя в нём «массу непреодолимых и излишних затруднений и неудобств»²⁵⁴.

В 1870–1880-х гг. против яковлевской транскрипции выступили священник с. Кошки Чебоксарского уезда В.Я. Смелов и участковый благочинный Козьмодемьянского уезда П. Любимов. Первый, подобно Н.И. Золотницкому, писал о сложности её для русского духовенства, попутно обвинив И.Я. Яковлева в научной реставрации чувашского языка с целью поднять его до уровня литературного, что навредит процессу обрусения; второй высказался за возврат к русскому алфавиту, т.е. к старочувашской письменности²⁵⁵. Недоброжелатели чувашской культуры из числа русских священников называли новую чувашскую письменность «яковлевской тарабарщиной» и «яковлевскими хвостиками», заявляя: «Чувашские книги и переводы и до Яковлева были, все они в народ не пошли и превратились в архивную пыль. Так будет и с книгами Яковлева»²⁵⁶.

В защиту И.Я. Яковлева выступил Н.И. Ильминский, писавший, что чувашская орфография кажется неудобной с непривычки, но быстро усваивается русскими и чувашами. По его словам, знакомый священник из Цивильского уезда «вник» в переводы И.Я. Яковлева и для него «их звукоизображение сделалось... ясным, легким и определенным»²⁵⁷. Правоту Ильминского подтверждает пример священника

К.Е. Магницкого – отца этнографа В.К. Магницкого. В миссионерской практике он пользовался книгами Н.И. Золотницкого, поэтому издания И.Я. Яковлева поначалу поставили его в тупик. Но он не отложил их в ящик, как другие, а стал изучать, и с помощью местных учителей и работника-чуваша научился читать и понимать²⁵⁸.

По отзывам современников, книги И.Я. Яковлева были понятны всем знающим чувашский язык: «Так хороши, что лучшего и желать пока нельзя»²⁵⁹. В 1879 г. священник с. Норваши Цивильского уезда отмечал, что они сделались «самыми любимыми у чуваш»²⁶⁰. Съезд священников Цивильского уезда выступил в защиту яковлевской орфографии, указывая, что она «принята самими чувашами»²⁶¹. В 1900-х гг. цивильский крестьянин А.П. Шишкин, вспоминая о трудности чтения старочувашских книг, при котором приходилось гадать о значении многих слов, писал: «Теперь не то. Хвала тому, кто придумал чувашскую азбуку и устранил указанный недостаток»²⁶². Популярность яковлевских изданий подтверждается и их коммерческим успехом²⁶³.

Отголоски негативного отношения к чувашской транскрипции наблюдались ещё долго. Так, в начале XX в. учителя Ядринского уезда отмечали «неудовлетворительность» чувашских букварей²⁶⁴, а иной грамотей, обучавшийся по прежним чувашским книгам, получив яковлевские издания, отворачивался со словами: «Это не мне читать»²⁶⁵.

После Февральской революции 1917 г. филологический вопрос о чувашской транскрипции приобрел политическую окраску. В июне 1917 г. I Общечувашский национальный съезд постановил использовать язык яковлевских изданий «в целях теснейшего объединения чуваш всех местностей»²⁶⁶.

Выбор диалекта как основы для переводов на чувашский язык. И.Я. Яковлев писал, что ситуация с наличием разных диалектов в чувашском языке потребовала выбрать тот, который в наибольшей степени сохранил «простонародную чувашскую чистоту», и сделать его основным для переводов²⁶⁷. По этому вопросу мнения И.Я. Яковлева и Н.И. Золотницкого разошлись. Как отмечает литературовед В.Г. Родионов, Н.И. Золотницкий выделял в чувашском языке три диалекта: верховой, средненизовой, низовой – и в основу своих переводов положил второй, руководствуясь его общепонятностью и чистотой от иноязычных влияний (в отличие от низового, подвергнувшегося влиянию татарского языка. – Ю.Г.); успешно апробировал свой букварь в местах

проживания верховых и низовых чувашей²⁶⁸. В отличие от оппонента, И.Я. Яковлев разделял точку зрения о наличии двух диалектов – верхового и низового; составил букварь на основе родного для себя низового, что стало первым шагом к созданию чувашского литературного языка²⁶⁹.

В рассматриваемый период господствовало мнение о необходимости издания книг на разных диалектах нерусских языков²⁷⁰, что вело к их обособлению. Н.В. Никольский писал, что до Н.И. Ильминского и открытия Симбирской чувашской школы бытовало убеждение о существовании в чувашском языке множества наречий и невозможности перевода, доступного для всех чувашей; Н.И. Золотницкий же и его сторонники выступали за издание книг на верховом и низовом наречиях чувашского языка²⁷¹. Первоначально И.Я. Яковлев разделял этот взгляд, в начале 1870-х гг. даже приступил к работе над букварем на основе верхового диалекта, которую не сумел закончить из-за нехватки времени и финансовых средств. Одновременно совершенствовал изданный букварь. По результатам проверки его доступности среди чувашей Ядринского уезда он отказался от слов и форм, употреблявшихся только в низовом диалекте, что пошло на пользу дела: ученики повсеместно стали успешно овладевать чувашской грамотой. После этого И.Я. Яковлев пересмотрел свои взгляды на издание книг на верховом диалекте²⁷². Такую же позицию занимала ПК ПМО: выступая в 1911 г. от её имени на съезде самарских переводчиков, Н.В. Никольский отметил, что чувашаи говорят «везде одинаково, с отличием лишь в той мере, в какой это заметно в отношении русских говоров, например казанского и московского», в чем встретил поддержку самарских коллег, признавших переводы, изданные в Симбирске и Казани, «вполне доступными» для чувашей Самарской губернии²⁷³.

После смерти Н.И. Золотницкого, как писал Г.И. Комиссаров, его издания были вытеснены яковлевскими, «низовое чувашское наречие, приправленное элементами верхового наречия, сделалось чувашским литературным языком»²⁷⁴. Н.И. Ашмарин отмечал, что последний достиг «значительной степени обработки в симбирских изданиях и совершенно приблизился к народной речи»²⁷⁵. Уже в конце XIX в. фиксировалось влияние яковлевских изданий на нивелирование «диалектических особенностей» местных говоров²⁷⁶.

Итак, деятельность Н.И. Золотницкого завершила период старочувашской письменности, подготовила предпосылки для создания чуваш-

ского литературного языка, закрепив некоторые его лексические и синтаксические нормы²⁷⁷. Деятельность И.Я. Яковлева предотвратила угрозу превращения двух чувашских диалектов в самостоятельные литературные языки, а почти полувековое бытование переводной чувашской книги способствовало их сближению и формированию литературного языка²⁷⁸.

4. К истории переводной чувашской светской книги.

Издание чувашских книг земствами

Развитие переводной светской книги на чувашском языке. Светская литература составляет 32,3 % чувашских изданий яковлевского периода, разнообразна по тематике: научная, учебная, деловая, художественная и др.²⁷⁹ Подобно миссионерской, своим развитием она во многом обязана системе Н.И. Ильминского. Современники отмечали, что Н.И. Ильминский и его ученики принципиально выступали за «широкое развитие просветительных задач»: общественное развитие и улучшение благосостояния «инородцев», распространение среди них разных знаний²⁸⁰. Н.И. Ильминский писал, что Казанская переводческая комиссия «по духу, а не по букве» следовала Правилам по изданию переводов, данным Братству св. Гурия в 1868 г., и в соответствии с потребностями миссионерского дела при поддержке ПМО печатала не только вероучительные и религиозные книги, но и учебники для «инородческих» школ, словари, грамматики и иногда образцы народного фольклора²⁸¹. В отчёте ПК ПМО за 1904 г. отмечалось, что сближение «инородцев» с русскими на религиозной почве «исподволь» должно быть подготовлено изданием книг «общепросветительного характера», что не входило в программу ПМО, однако она изредка издавала её «по отсутствию иной инициативы в этой области»²⁸². ПК ПМО был издан ряд переводных учебников и книг русских и зарубежных писателей, подготовленных в Симбирской чувашской школе.

Н.В. Никольский отмечал, что с распространением грамотности появился спрос на светские чувашские книги²⁸³. Среди его черновых записей сохранились наброски по программе издания последних: история, география, естествознание, медицина, сельское хозяйство, с пояснением: «Сначала маленькими очерками, а потом в отдельных книгах и, конечно, применительно к чувашам»²⁸⁴. Вклад в издание чувашских

книг «практического содержания» по профилю своей деятельности внесли общественные организации пчеловодов, медиков и др. Наиболее весомой была роль земств, о чём скажем ниже. После призыва Синода к духовенству об утверждении в народе трезвого образа жизни (1889) и введения государственной винной монополии (1894) появились церковные, общественные и государственные благотворительные организации, издававшие антиалкогольную литературу на чувашском языке²⁸⁵.

Революция 1905–1907 гг. открыла новую страницу в истории переводной светской книги. Современник отмечал, что в деле просвещения «инородцев», наряду с миссионерским, оформилось новое направление, ратующее за их экономическое, политическое и культурное развитие, одной из задач которого являлся перевод «лучших элементарных книг и брошюр для простого народа по политическим и общественным вопросам». По его мнению, оба направления дополняли друг друга и интересы «инородческого дела» требовали их развития в союзе между собой, чем должна была руководствоваться национальная интеллигенция²⁸⁶.

Словно откликаясь на эти слова, в 1906–1907 гг. Д.Ф. Филимонов призывал чувашскую интеллигенцию подняться над политическими интересами и объединиться ради просвещения соплеменников, повышения их самосознания, чтобы они не говорили «вырӑс пулас» (перейти в русские. – Ю.Г.) и «тутар пулас» (перейти в татары. – Ю.Г.)²⁸⁷. Антагонизм между революционерами и миссионерами оказался непреодолимым. Скажем, Г.Ф. Алюнов в печати обвинил И.Я. Яковлева в сговоре с реакционерами Д.А. Толстым и К.П. Победоносцевым²⁸⁸, а И.Я. Яковлев предложил подать в отставку двум учителям своей школы за участие в нелегальном учредительном съезде революционного «Кружка деятелей по просвещению чуваш»²⁸⁹. Наладить общение с революционной молодежью удалось только либералу Н.В. Никольскому, представлявшему младшее поколение миссионеров-просветителей: в 1906 г. он основал первую чувашскую газету, в период Февральской революции стал одним из лидеров национального движения народов Поволжья.

В годы революции 1905–1907 гг. появилось большое количество без- и подцензурных общественно-политических книг и брошюр, а также нелегальных летучих изданий (листовки, прокламации и др.) на чувашском языке. Казанский цензор М.Н. Пинегин писал, что в 1906 г. возникла периодическая и книжная чувашская печать, принявшая «на-

правление более левое и еще более резкое, чем татарская печать»²⁹⁰ (известно, что полиция изымала у населения и торговцев газету «Хыпар» и чувашские книги даже при наличии цензурного разрешения²⁹¹). Чувашские эсеры были не единственной партией, выпускавшей чувашские книги: Симбирское отделение партии октябристов напечатало царские манифесты 1905 г. в переводе И.Я. Яковлева²⁹².

В революционные годы миссионеры столкнулись с новыми вызовами. В сентябре 1905 г. на съезде сотрудников ПК ПМО с участием учителей «инородческих» школ Н.А. Бобровников заявил, что «мысль о расширении переводческого дела» давно заботила Переводческую комиссию, но «задерживалась неопределенным положением её самой», однако активизация мусульманской агитации и новая волна отпадения в ислам после провозглашения веротерпимости сделали эту меру «безусловно необходимой»²⁹³. Съезд постановил организовать «Общество для просвещения инородцев», призванное также удовлетворить запросы нерусского населения на книги общеобразовательного характера. Чувашская секция съезда высказалась за расширение издания богословской и миссионерской литературы (за исключением книг «аскетического» направления, под влиянием которых чуваша уходили в монастыри), издание чувашско-русского и русско-чувашского словарей и книг для внешкольного образования, отвечающих насущным нуждам народа, обогащающих его духовный мир. В постановлении секции отмечалось, что ввиду бедности и малоземелья чуваша нанимаются в работники к татарам, где усваивают ислам, поэтому издание противомусульманских брошюр необходимо сочетать с мерами по улучшению материального положения чувашских крестьян, включая издание брошюр по сельскому хозяйству²⁹⁴.

В 1906 г. Д.Ф. Филимонов писал, что издание Манифеста 17 октября 1905 г. открыло народам России путь к прогрессу и для того, чтобы они не отстали от русских, необходимо дать им переводы книг по всем отраслям знаний, сборники фольклора, в т.ч. хоровых народных песен, газеты и журналы, а также политическую литературу, чем должны заниматься общественные комитеты при «Обществе просвещения инородцев», которое предложил создать (его чувашский комитет должен был располагаться в Казани). Относительно религиозной литературы писал, что её издание должна продолжать ПК ПМО²⁹⁵. К слову, сам он перевёл брошюру «Посевные семена»²⁹⁶.

В условиях третьеиюньской монархии надежды на появление просветительных организаций не оправдались, поэтому переводами светских книг по-прежнему занимались миссионеры (чувашские революционные организации были разгромлены). Н.В. Васильев (Шубоссинни) писал, что под влиянием революции в Симбирской чувашской школе наряду с миссионерской стали переводить научно-популярную литературу и беллетристику²⁹⁷. В 1909 г. съезд Самарской подкомиссии ПК ПМО выступил за перевод на «инородческие» языки книг сельскохозяйственной, исторической и медико-гигиенической тематики. Известно, что члены подкомиссии редактировали такие переводы, присылаемые из Казанской и Симбирской епархий²⁹⁸. Переводческая комиссия 1-го благочиния Цивильского уезда (известна с 1911 г.) наряду с миссионерской литературой издавала сельскохозяйственные брошюры на чувашском языке для «поднятия... материального благосостояния» чувашских крестьян²⁹⁹. Интересный факт: под влиянием революции спрос на религиозную литературу упал, и в 1908 г. чувашские священники предложили для привлечения читателей издавать «духовное с недуховным», например вкупе с литературной классикой³⁰⁰.

В годы реакции остались на бумаге и проекты развития культурно-просветительной работы с возобновлением издания чувашской газеты, переводных книг светского содержания, чувашской и переводной русской беллетристики и др., разрабатывавшиеся чувашскими студентами г. Казань³⁰¹.

Со свержением самодержавия открылись новые возможности для развития переводной книги. И.Я. Яковлев в числе мер по развитию просвещения нерусских народов предложил чиновнику Временного правительства на средства государства издавать школьные учебники и «научно-популярные книги разного рода» на «инородческих» языках³⁰². Вновь созданные чувашские национальные организации (газета «Хыпар», Симбирское чувашское общество и др.) в соответствии с программой политического и культурного прогресса чувашского народа приступили к изданию общественно-политической, учебной и научно-просветительной литературы на чувашском языке, в т.ч. переводной.

Отметим большой личный вклад И.Я. Яковлева и Н.В. Никольского в издание чувашской светской книги. Первый писал, что после создания чувашского алфавита занялся переводом «произведений общеоб-

разовательного, нравственно-назидательного, исторического, доступного пониманию простого народа характера»³⁰³. Благодаря его сотрудничеству с симбирским отделением Пироговского общества и при финансовой поддержке Симбирского губернского земства было издано более 40 санитарно-гигиенических изданий³⁰⁴, что составило «эпоху в жизни чувашей»³⁰⁵. Считая материальное благополучие важной составляющей общекультурного развития чувашского народа³⁰⁶, он наставлял своих учеников: «Чувашей приобщайте к наукам (ремёслам. – Ю.Г.)... Одни буквари нас не накормят»³⁰⁷. Как член-корреспондент Симбирского общества сельского хозяйства (с 1893 г.), он организовал перевод и издание сельскохозяйственной литературы³⁰⁸. Отдавая дань государственной идеологии, переводил на чувашский язык официальные и пропагандистские издания: о первой Всероссийской переписи населения 1897 г., Первой мировой войне, царские манифесты и др.³⁰⁹ Н.В. Никольский писал, что считает долгом способствовать изданию книг «общекультурного свойства»³¹⁰. При его участии ПК ПМО были изданы более 30 брошюр по сельскому хозяйству, о вреде пьянства, произведения чувашского фольклора и др.³¹¹

Издание чувашских книг земствами. Отводя книге важное место в развитии крестьянского хозяйства, земства финансировали издание переводных книг «практического содержания». Указателем «Чувашская книга до 1917 года» учтено среди издателей таких книг 5 губернских земств: Симбирское (5 названий), Самарское (4), Уфимское (2), Саратовское (1), Казанское (1); 2 уездных: Симбирское (7) и Цивильское (2) – всего 22 названия. Тематически они разделяются: книги по сельскому хозяйству (11), медицине (7), ремеслам, беллетристика, по кооперативам, учебники (по 1). Все они изданы массовыми тиражами (от 1 до 10 тыс. экз.). Отметим, что данные указателя неполные, например не содержат сведений об изданиях Чебоксарского уездного, Казанского и Уфимского губернских земств, о которых будет сказано далее.

Губернские земства средства на издание популярных брошюр закладывали в своих бюджетах, в частности, Самарское – в смету агрономического и врачебно-санитарного отделов³¹². Средства Уфимского губернского земства на издание книг на «инородческих» языках (500 руб.) до 1912 г. не использовались³¹³. Уездные земства, имевшие скромные возможности, практиковали разовые субсидии. Так, в 1906 г.

Цивильское земство заказало Казанской переводческой комиссии чувашский перевод брошюры о травосеянии, ассигновав на это 15 руб.³¹⁴

Земские издания не преследовали коммерческих целей, предназначались для бесплатной раздачи. Скажем, оба издания Цивильского земства – учебник для совместного обучения чувашей и русских и брошюра по сельскому хозяйству – были розданы: по школам и среди крестьян соответственно³¹⁵. Показательно, что планы Ядринского земства по изданию чувашских книг с последующей их продажей потерпели неудачу. История вкратце такова. В 1903 г. гласный А.П. Шумилов на уездном земском собрании поднял вопрос об издании книг по сельскому хозяйству, огородничеству и др. на чувашском языке. Учитывая желание чувашских крестьян иметь в волостных библиотеках книги на родном языке, предложил заняться их изданием, наладив сотрудничество с ПК ПМО и учителями, продавать книги по 1–5 коп., направляя прибыль на развитие издательского дела³¹⁶. Управа, которой было поручено разработать вопрос к следующему собранию, выяснила условия получения цензурного разрешения и предложила земским служащим заняться составлением общедоступных брошюр по медицине, ветеринарии и агрономии. На это «весьма охотно» откликнулись земские врачи Чернцов, А.А. Стоеросов, ветеринарный врач М.А. Шашабрин и агроном Бакулевский, причём без гонорара. Затем председатель управы С.Н. Ильин обратился за содействием к земляку Н.В. Никольскому. Последний согласился сотрудничать на условиях авторского вознаграждения, а также печатания книг в типографии А.М. Петрова в Казани. По подсчетам управы, себестоимость брошюры в 0,5 листа в зависимости от формата должна была составить 4–8 коп., что делало её неперспективной для продажи, а само издание чувашских книг оценено как затратное с сомнительной пользой³¹⁷. В 1904 г. доклад управы рассмотрен не был, а в 1905 г. земское собрание по финансовым причинам отказалось от издания чувашских книг³¹⁸.

Для перевода книг земства пользовались услугами переводческих организаций и отдельных переводчиков. Скажем, в 1908 г. Симбирская губернская земская управа заказала И.Я. Яковлеву чувашский перевод брошюры о прививках от холеры³¹⁹. По заявкам губернских земств ПК ПМО рецензировала и издавала переводы брошюр по гигиене, сельскому хозяйству и др., в т.ч. на чувашском языке³²⁰. Например, в 1911 г. по заказу Саратовского губернского земства издала брошюру о холе-

ре³²¹. Осенью 1905 г. Казанская губернская земская управа оплатила издание и рассылку по чувашским селениям периодических листков «Письма крестьянина» с информацией о Государственной думе (издавались в Нижнем Новгороде А.И. Лебедевым), переведённых «группой интеллигентных чуваш» во главе с Н.В. Никольским³²². В сентябре 1917 г. Цивильское уездное земство выделило 1500 руб. на выпуск газеты «Хыпар» для чувашских селений своего уезда, обратившись к её редакции с просьбой не отказывать «в переводе на чувашский язык брошюр, посылаемых для перевода лекторским бюро, культурно-просветительной комиссией учащих и союзом земских служащих»³²³.

В свою очередь переводчики обращались к земствам с предложениями о сотрудничестве. В 1909 и 1911 гг. съезд переводчиков Самарской епархии ходатайствовал перед Бугульминским уездным и Самарским губернским земствами соответственно об отпуске средств на издание переводных книг по истории, медицине, сельскому хозяйству и вреде пьянства³²⁴. После прекращения издания книг Самарским епархиальным комитетом ПМО Д.Ф. Филимонов предлагал Самарской губернской земской управе чувашские переводы для публикации³²⁵. В период Февральской революции 1917 г. по предложению Г.И. Комиссарова в Уфе на средства Уфимского губернского земства для чувашских школ была перепечатана книга Л.Н. Толстого для классного чтения, в переводе которой инициатор принимал участие в бытность учеником Симбирской чувашской школы³²⁶.

Помимо цензурных комитетов Москвы и Петербурга, имевших право просматривать все рукописи на любом языке, надзор за светскими произведениями на тюркских языках осуществлял казанский отдельный цензор (предварительная цензура непериодических изданий отменена в 1906 г.)³²⁷. Рукописи по медицине отсылались на рассмотрение профессиональной цензуры в Петербург. Чтобы книги могли поступать в школьные библиотеки, требовалось разрешение учебного комитета МНП³²⁸. Как показывает пример Чебоксарского уездного земства, при издании книг земства сталкивались с цензурными трудностями.

В 1884 г. по заданию комитета народного здоровья при Чебоксарской земской управе врачи Р.О. Заленский и С.М. Вишневский написали «Наставление о мерах к предупреждению холеры», которое было решено напечатать на русском и чувашском языках для раздачи населению. Тогда же был заключён договор с казанской типографией

В.М. Ключникова³²⁹. В январе 1885 г. по разрешению казанского губернского медицинского инспектора брошюра вышла на русском языке, но возникли цензурные сложности в отношении чувашской рукописи. Типография предложила управе обратиться к казанскому отдельному цензору, чтобы тот получил от Главного управления по делам печати разрешение на выпуск брошюры за подписью директора учительской инородческой семинарии Н.И. Ильминского (цензор не знал чувашского языка), а также просить Ильминского взять на себя просмотр рукописи и корректуры. Другим препятствием стало использование авторами орфографии, отличающейся от принятой И.Я. Яковлевым, что требовало заказа букв, отсутствующих в чувашском шрифте. Предложения типографии не устроили управу: в феврале 1885 г. она напрямую обратилась в Главное управление по делам печати и только по его распоряжению – к казанскому отдельному цензору. Разрешение от него получили в апреле того же года, а в мае брошюра была напечатана в той же типографии тиражом в 600 экз.³³⁰

Светская переводная книга на чувашском языке имела широкий репертуар – от беллетристики до книг практического содержания. Импульс её развитию придали демократические завоевания революции 1905–1907 гг. Свой вклад в её издание внесли революционные и либеральные партии, земства Урало-Поволжья, в т.ч. Чувашского края. Переводы художественной, исторической, медицинской, сельскохозяйственной, музыкальной, естественно-научной и другой литературы способствовали росту грамотности и образованности чувашского народа, повышению его хозяйственного и культурного уровня, развитию национального самосознания, сближению с русским и другими народами³³¹.

Заключение

Своим развитием переводная чувашская книга, как религиозная, так и светская, обязана системе Н.И. Ильминского. Благодаря активности чувашских миссионеров-просветителей чувашская книга наряду с татарской заняла ведущие позиции среди аналогичных национальных. За короткий исторический период она превратилась в мощный фактор культурного развития чувашского народа. Парадокс: представляя собой заимствование из русской культуры, она оказала сильное влияние на рост национального самосознания. Сравнивая бескнижное время с началом XX в., чуваша го-

ворили: «Стало быть, и мы люди»³³². Не случайно, критикуя систему Н.И. Ильминского, реакционеры выступали против чувашской книги, видя в ней источник национального сепаратизма, а своими главными оппонентами считали чувашских «ильминистов», отстаивавших использование родного языка в обучении и богослужении.

Переводом и изданием чувашских книг занимались общие и чувашские переводческие, а также чувашские национальные организации. Свой вклад в их издание внесли земства Урало-Поволжья, в т.ч. Чувашского края, а также по профилю своей деятельности – общественные религиозные, благотворительные и другие организации. Ведущую роль играли финансируемые государством ПК ПМО и ПК при КУО. В указанный период сложились четыре чувашских переводческих центра – в Казани, Симбирске, Самаре и Уфе, каждый со своей специализацией, подготовившие издания широкой тематики: богослужебные, миссионерские, учебные, научно-популярные, сельскохозяйственные, антиалкогольные, общественно-политические и др. Лидирующее место принадлежало симбирскому центру во главе с И.Я. Яковлевым. Главным его достижением стал перевод Библии на чувашский язык, прекратившийся после прихода к власти большевиков. Формулой успеха симбирского центра воспринимаются слова Н.В. Никольского, писавшего, что важными слагаемыми результативной переводческой работы являются «коллективные усилия, масса времени и бодрая энергия»³³³. Благодаря деятельности чувашских переводческих центров получили развитие теория и техника переводческого дела, основы которых были заложены Н.И. Ильминским. Положительный опыт дореволюционных чувашских переводчиков был унаследован советскими.

Переводческие центры, за исключением Самары, одновременно являлись издательскими. В 1867–1917 гг. ими было издано около 750 книг на чувашском языке (включая двуязычные), причем две трети – в Казани, игравшей роль столицы для Восточной России. Во второй половине XIX – начале XX в. переводами занимались сотни представителей чувашской интеллигенции, объединенных идеей служения родному народу. Из их рядов вышли общественно-политические и церковные деятели, первые чувашские писатели и учёные-гуманитарии.

Источники и литература

- ¹ *Фомин Э.А.* Чувашская книга конца XVIII – начала XX века. Чебоксары, 2013. С. 9.
- ² *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. Чебоксары, 2007. С. 118.
- ³ Чувашская книга до 1917 года: ретросп. библиограф. указ. лит. 2-е испр, доп. изд. Чебоксары, 2001. 202 с.
- ⁴ *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель: учеб. пособие. Чебоксары, 1993. 72 с.; *Его же.* М.П. Петров (Тинехпи) – деятель просвещения и культуры, этнограф и историк: учеб. пособие. Чебоксары, 2003. 56 с.; *Краснов Н.Г.* Выдающийся чувашский педагог-просветитель. Чебоксары, 1992. 416 с.; *Мукина И.В.* И.Я. Яковлев – переводчик Библии // Вестник Чувашского университета. 1997. № 1. С. 64–75; *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары, 2006. С. 64–72.
- ⁵ *Фомин Э.А.* Чувашская книга конца XVIII – начала XX века. 140 с.; *Студенцов О.Р.* Периодизация чувашского литературного языка: история и современность // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 262–265.
- ⁶ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Д. 163. С. 76.
- ⁷ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 235.
- ⁸ НА ЧГИГН. Отд. V. Д. 2003. Л. 25.
- ⁹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 501. Оп. 1. Д. 83. Л. 6 об.
- ¹⁰ *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 27, 28.
- ¹¹ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского: сб. документов и материалов / авт.-сост. Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань, 2015. С. 536; *Козлов Ф.Н.* Православие в Чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х – 1920-е годы. Чебоксары, 2014. С. 96.
- ¹² *Фомичева О.А.* А.С. Будилович: деятельность в национальных регионах пореформенной Российской империи. СПб., 2014. С. 179.
- ¹³ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 44–45.
- ¹⁴ *Касаткин М.В.* Начальная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем // Циркуляр по Казанскому учебному округу. Приложения. 1913. № 12. С. 99.
- ¹⁵ Там же. С. 127.
- ¹⁶ *Серый Чувашин.* На смерть Победоносцева // Волжские вести. 1907. 28 апреля. С. 2.
- ¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 227 об.

- ¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. Л. 172 об., 173.
- ¹⁹ *Фомичёва О.А.* А.С. Будилович ... С. 195, 198.
- ²⁰ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 246. С. 237.
- ²¹ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 44.
- ²² НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 246. С. 404.
- ²³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 227 об. – 228, 292.
- ²⁴ *Касаткин М.В.* Начальная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем. С. 99.
- ²⁵ *Фомичёва О.А.* А.С. Будилович ... С. 196.
- ²⁶ *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 42.
- ²⁷ Дореволюционная чувашская литература. Переводы и произведения на русском языке. Т. 2. Чебоксары, 2001. С. 401.
- ²⁸ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 125.
- ²⁹ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 42.
- ³⁰ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 247. С. 662–663.
- ³¹ *Филимонов Д.Ф.* К десятилетию со дня кончины Николая Ивановича Ильминского // Православный собеседник. 1901. № 16. С. 345–347.
- ³² ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 60.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 261, 264; *Филимонов Д.Ф.* К десятилетию со дня кончины Николая Ивановича Ильминского // Православный собеседник. 1901. № 17. С. 32.
- ³⁵ Дореволюционная чувашская литература ... С. 400.
- ³⁶ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. М., 1997. С. 179.
- ³⁷ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 59.
- ³⁸ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 188. Инв. № 455. Л. 28.
- ³⁹ Там же. Д. 2219. Инв. № 8544. С. 4.
- ⁴⁰ Там же. Отд. I. Д. 144. С. 346.
- ⁴¹ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 19.
- ⁴² НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 247. С. 659.
- ⁴³ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 363–364.
- ⁴⁴ Общечувашский съезд учащихся // Канаш. 1918. 7 июня.
- ⁴⁵ *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 1. Чебоксары, 2004. С. 59.
- ⁴⁶ *Касаткин М.В.* Начальная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем. С. 114–115.
- ⁴⁷ Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX в.: сб. материалов и документов / сост. Р.Р. Исхаков. Казань, 2012. С. 395–396.
- ⁴⁸ *Касаткин М.В.* Начальная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем. С. 114, 115.

- ⁴⁹ Переписка о чувашских изданиях Переводческой комиссии. С. I.
- ⁵⁰ По инородческому вопросу // Деятель. 1916. № 4. С. 59, 60.
- ⁵¹ Вопрос об инородческой школе на дворянском съезде // Окраины России. 1911. № 10. С. 150–151.
- ⁵² Губернское дворянское собрание // Казанский телеграф. 1911. 15 января.
- ⁵³ НА ЧГИГН. Отд. V. Д. 2003. Л. 9.
- ⁵⁴ *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 37.
- ⁵⁵ О газете на чувашском языке // Хыпар. 1906. 7 мая.
- ⁵⁶ Извлечения из отчета его высокопреосвященства о состоянии Казанской епархии за 1894 год // Известия по Казанской епархии. 1896. 1 мая. С. 245.
- ⁵⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. Л. 161 об.
- ⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 267 об.
- ⁵⁹ Дореволюционная чувашская литература... С. 402.
- ⁶⁰ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
- ⁶¹ *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 1. С. 355–356.
- ⁶² НА ЧГИГН. Отд. V. Д. 2003. Л. 12.
- ⁶³ *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 1. С. 59.
- ⁶⁴ *Гусаров Ю.В.* Переводческая комиссия Православного миссионерского общества // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 392; ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 275–275 об.
- ⁶⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 112; Отчет о деятельности Братства св. Гурия за тридцать третий братский год с 4 октября 1899 года по 4 октября 1900 года. Казань, 1899. С. 70.
- ⁶⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 166. С. 272.
- ⁶⁷ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани, с 1 мая 1895 г. по 1 октября 1897 г. Казань, 1897. С. 14.
- ⁶⁸ Постановления Цивильского уездного земского собрания 42[-го] очередного заседания 10–14 октября 1906 г. и экстренного заседания 17 февраля 1907 г. Казань, 1907. С. 34.
- ⁶⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 267.
- ⁷⁰ Там же. Д. 186. С. 71, 72; *Н.[В.] Н[икольский]*. Объяснительные беседы на символ веры // Известия по Казанской епархии. 1905. 1 декабря. С. 1364.
- ⁷¹ *Гусаров Ю.В.* Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 393–394.
- ⁷² *Изоркин А.В.* О деятельности Чувашской организации партии социалистов-революционеров // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Чебоксары, 2001. Вып. 2. С. 110–111.
- ⁷³ Дореволюционная чувашская литература. С. 463.

- ⁷⁴ Яковлев И.Я. Становление системы образования ... С. 44.
- ⁷⁵ Яковлев И.Я. Моя жизнь. С. 277.
- ⁷⁶ Яковлев И.Я. Письма. Чебоксары, 1985. С. 29, 30.
- ⁷⁷ Комиссаров Г.И. О чувашах. Чебоксары, 2003. С. 348.
- ⁷⁸ Яковлев И.Я. Моя жизнь. С. 276, 277.
- ⁷⁹ Отчет Переводческой комиссии ПМО, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани, с 1 мая 1895 г. по 1 октября 1897 г. С. 14.
- ⁸⁰ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 526. Л. 8.
- ⁸¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 524. Л. 428.
- ⁸² . . 207. . 1. . 883. . 155 - 155 .
- ⁸³ Александров Г.А. Чувашские интеллигенты ... С. 71.
- ⁸⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 188. Л. 17.
- ⁸⁵ Александров Г.А. Чувашские интеллигенты ... С. 69.
- ⁸⁶ Яковлев И.Я. Письма. С. 92.
- ⁸⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 121 об.
- ⁸⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 227. С. 7; Д. 238. С. 217, 219.
- ⁸⁹ Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 129; Сердцу близкие имена: краеведческий сборник / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1996. С. 163–164.
- ⁹⁰ Чувашская книга до 1917 года. С. 158, 166; НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 236. С. 31–32.
- ⁹¹ Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. Уфа, 1999. С. 7.
- ⁹² Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1914 год. Казань, 1915. С. 10.
- ⁹³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.
- ⁹⁴ Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении. С. 364.
- ⁹⁵ Яковлев И.Я. Из переписки. Чебоксары, 1989. С. 284.
- ⁹⁶ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- ⁹⁷ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 246. С. 179–180.
- ⁹⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 59; Александров Г.А. Чувашские интеллигенты ... С. 23–24.
- ⁹⁹ Петров М.П. Н.И. Ильминский и его просветительная система. Казань, 1916. С. 79.
- ¹⁰⁰ Переписка о чувашских изданиях Переводческой комиссии. Казань, 1890. С. II.
- ¹⁰¹ Там же. С. II–III; 34–78.
- ¹⁰² Там же. С. 53.
- ¹⁰³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 110 об.
- ¹⁰⁴ Яковлев И.Я. Моя жизнь. С. 275.

- ¹⁰⁵ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 41.
- ¹⁰⁶ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 40.
- ¹⁰⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 192 об.
- ¹⁰⁸ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья ... С. 528.
- ¹⁰⁹ Цит. по: Переписка о чувашских изданиях ... С. 52.
- ¹¹⁰ *Юман М.* Суйласа илнисем [*Петров Д.П.* Избранное]. Шупашкар, 1997. С. 335.
- ¹¹¹ *Димитриев В.Д.* М.П. Петров (Тинехпи) – деятель просвещения ... С. 46.
- ¹¹² О переводе православных христианских книг на инородческие языки. Казань, 1875. С. 18, 19.
- ¹¹³ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 196. С. 172.
- ¹¹⁴ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 272, 273.
- ¹¹⁵ *Горский С.П.* Очерки по истории чувашского литературного языка. Чебоксары, 1959. С. 44.
- ¹¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. С. 69–70.
- ¹¹⁷ *Н.Н.* Новые книги. Объяснительные беседы на Символ веры на чувашском языке // Известия по Казанской епархии. 1905. 22 ноября. С. 1365.
- ¹¹⁸ *Комиссаров Г.И.* О чувашах. С. 371.
- ¹¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Т. 188. Инв. №172. Л. 4.
- ¹²⁰ Отчет о деятельности Совета Братства св. Гурия с 1 октября 1868 года по 4-е октября 1869 // Известия по Казанской епархии. 1869. 15 ноября. С. 672, 673.
- ¹²¹ *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 96.
- ¹²² Отчет о деятельности Совета Братства св. Гурия от 4 октября 1867 г. до 13 октября 1868 г. // Известия по Казанской епархии. 1868. 15 ноября. С. 642.
- ¹²³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 192–193.
- ¹²⁴ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 280, 281.
- ¹²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 58, 59.
- ¹²⁶ *Яковлев И.Я.* Письма. С. 125.
- ¹²⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 163.
- ¹²⁸ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 279, 280.
- ¹²⁹ Письмо редактору газеты «Канаш» // Канаш. 1918. 4 июня. С. 1–2.
- ¹³⁰ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 266.
- ¹³¹ Указы Святейшего синода // Известия по Казанской епархии. 1868. 15 июня. С. 308.
- ¹³² *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 92.
- ¹³³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 99.
- ¹³⁴ Переводческая комиссия при Управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания, 3 апреля 1908 г. [Б. м.] [б. г.]. С. 16.

- ¹³⁵ Переписка о чувашских изданиях ... С. 54.
- ¹³⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 2219. Инв. № 8544. С. 4; *Петров Д.П.* Избранные труды. Чебоксары, 1997. С. 322.
- ¹³⁷ *Горский С.П.* Очерки по истории чувашского литературного языка. С. 56.
- ¹³⁸ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 66.
- ¹³⁹ Переписка о чувашских изданиях ... С. 53, 54, 142.
- ¹⁴⁰ *Александров Г.А.* Иван Яковлевич Яковлев: фрагменты жизни. Чебоксары, 1997. С. 47, 48.
- ¹⁴¹ *Комиссаров Г.И.* О чувашах. С. 348; ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.
- ¹⁴² НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 238. С. 565–566.
- ¹⁴³ *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 96.
- ¹⁴⁴ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 266.
- ¹⁴⁵ *Касаткин М.В.* Начальная школа для чуваш в ее прошлом и настоящем. С. 128.
- ¹⁴⁶ Переписка о чувашских изданиях ... С. 53.
- ¹⁴⁷ *Краснов Н.Г.* Выдающийся чувашский педагог-просветитель. С. 367, 368.
- ¹⁴⁸ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 109.
- ¹⁴⁹ ГИА ЧР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1115. Л. 145.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.
- ¹⁵¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. С. 69.
- ¹⁵² *Никольский Н.В.* Переводческая комиссия ... С. 97.
- ¹⁵³ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования ... С. 421; ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 659. Л. 80.
- ¹⁵⁴ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования ... С. 336.
- ¹⁵⁵ *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ). Казань, 1911. Т. 26, вып. 6. С. 548.
- ¹⁵⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 186. С. 76, 70.
- ¹⁵⁷ ГИА ЧР. Ф. 302. Оп. 1. Д. 26. Л. 66.
- ¹⁵⁸ *Ильминский Н.И.* Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках. С. 160–183.
- ¹⁵⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 246. С. 165.
- ¹⁶⁰ *Зайцев Я.Н.* Лета и лица Урмарской земли. Чебоксары, 1994. С. 212; Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 296.
- ¹⁶¹ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования ... С. 230.
- ¹⁶² ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
- ¹⁶³ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 63, 64.
- ¹⁶⁴ Там же. Д. 161. Л. 161.
- ¹⁶⁵ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 104 об.

- ¹⁶⁶ Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 83. Л. 6 об.
- ¹⁶⁷ *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1967. С. 57.
- ¹⁶⁸ Научные труды по чувашской истории, этнографии и языку оставили К.П. Прокопьев, А.П. Прокопьев (Милли), А.С. Иванов, Н.В. Никольский, М.П. Петров, Н.М. Охотников, Ф.Т. Тимофеев и др.
- ¹⁶⁹ *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. С. 39.
- ¹⁷⁰ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 105.
- ¹⁷¹ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 104 об.; Д. 3. Л. 299.
- ¹⁷² НА ЧГИГН. Отд. II. Инв. № 455. Д. 188. Л. 24; Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья ... С. 543.
- ¹⁷³ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 2219. Инв. № 8544. С. 3.
- ¹⁷⁴ Там же. Отд. I. Д. 238. Л. 246.
- ¹⁷⁵ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 99.
- ¹⁷⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 256.
- ¹⁷⁷ Переводческая комиссия Братства св. Гурия в Казани и её деятельность // Православный благовестник. 1893. № 11. С. 16.
- ¹⁷⁸ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 188. Л. 8 об.
- ¹⁷⁹ *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. С. 128.
- ¹⁸⁰ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 об.
- ¹⁸¹ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 282.
- ¹⁸² ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 331 об.
- ¹⁸³ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 55.
- ¹⁸⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 180. Л. 204.
- ¹⁸⁵ *Яковлев Ю.В.* Духовное пространство Ивана Юркина. Чебоксары, 2010. С. 135.
- ¹⁸⁶ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 31.
- ¹⁸⁷ *Димитриев В.Д.* М.П. Петров (Тинехпи) – деятель просвещения ... С. 46, 47.
- ¹⁸⁸ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 103.
- ¹⁸⁹ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 161 об., 162 об.
- ¹⁹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 96.
- ¹⁹¹ ГИА ЧР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1115. Л. 145.
- ¹⁹² Деятельность Переводческой комиссии при Братстве св. Гурия в 1894/95 г. // Православный благовестник. 1896. № 6. С. 252.
- ¹⁹³ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 39.
- ¹⁹⁴ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–23 об.
- ¹⁹⁵ Отчет о деятельности Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа за 1910 гражданский год. С. 748.
- ¹⁹⁶ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 526. Л. 6 об. – 10.

- ¹⁹⁷ Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск, 1917. С. 29.
- ¹⁹⁸ Дореволюционная чувашская литература ... С. 481.
- ¹⁹⁹ *Фомин Э.В.* Чувашская книга конца XVIII – начала XX века. С. 61.
- ²⁰⁰ Об Уфимском чувашском национальном обществе // *Хыпар*. 1917. 13 июня. С. 3–4.
- ²⁰¹ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 277, 278.
- ²⁰² *Жиркевич А.В.* Мои встречи с И.Я. Яковлевым: из дневника за 1916–1924 годы. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары, 2006. С. 46.
- ²⁰³ *Жиркевич А.В.* Мои встречи с И.Я. Яковлевым. С. 184; *Яковлев И.Я.* Письма. С. 171.
- ²⁰⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 91, 92.
- ²⁰⁵ Там же. Отд. II. Д. 246. С. 109.
- ²⁰⁶ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 163 об., 164.
- ²⁰⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 114.
- ²⁰⁸ Там же. С. 61.
- ²⁰⁹ Там же. Д. 279. С. 223–224.
- ²¹⁰ Там же. Д. 238. С. 222.
- ²¹¹ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 37 об.
- ²¹² Там же. Д. 5. Л. 36 об.
- ²¹³ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 70.
- ²¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. Л. 164.
- ²¹⁵ Там же. Д. 163. С. 113.
- ²¹⁶ *Гусаров Ю.В.* О книжной торговле в Чувашском крае во второй половине XIX – начале XX века // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность. Чебоксары, 2000. С. 143; Чувашская книга до 1917 г. С. 157, 163.
- ²¹⁷ *Ислентьев В.А.* Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Казань; Елабуга, 1889. оборот лицевой стороны обложки.
- ²¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 186. С. 11.
- ²¹⁹ Чувашская книга до 1917 года. С. 7.
- ²²⁰ *Студенцов О.Р.* Переводы И.Я. Яковлева как источник религиозно-духовного просвещения чувашского народа // Семья в России. 2006. № 1. С. 102, 104.
- ²²¹ *Фомин Э.В.* Чувашская книга конца XVIII – начала XX века. С. 54.
- ²²² *Родионов В.Г.* Чувашская литература 1909–1917 годов. Чебоксары, 2012. С. 37.
- ²²³ *Фомин Э.В.* Чувашская книга конца XVIII – начала XX века. С. 71.
- ²²⁴ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 209 об.
- ²²⁵ *Яковлев И.Я.* Письма. С. 105.
- ²²⁶ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 210–210 об.

- ²²⁷ Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 129; Сердцу близкие имена. С. 164; НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 238. С. 222.
- ²²⁸ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 516. Л. 336.
- ²²⁹ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 144 об.
- ²³⁰ *Изоркин А.В.* О деятельности Чувашской организации партии социалистов-революционеров ... С. 111; *Васильев Н.В.* Краткий очерк истории чувашской литературы. С. 10.
- ²³¹ *Студенцов О.Р.* Периодизация чувашского литературного языка ... С. 262.
- ²³² Там же. С. 263.
- ²³³ *Яковлев И.Я.* Письма. С. 107.
- ²³⁴ *Горский С.П.* Очерки по истории чувашского литературного языка. С. 43.
- ²³⁵ Там же. С. 46.
- ²³⁶ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 20–21.
- ²³⁷ *Ильминский Н.И.* Избранные места из педагогических сочинений. С. 12–13.
- ²³⁸ *Павлова А.Н.* Система Н.И. Ильминского и её реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России (в последней трети XIX – начале XX века). Чебоксары, 2004. С. 77.
- ²³⁹ *Яковлев И.Я.* Письма. С. 150.
- ²⁴⁰ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. С. 193–198.
- ²⁴¹ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Рук. 1815. Л. 18–19.
- ²⁴² Там же. Рук. 2308. Л. 28.
- ²⁴³ Там же. Рук. 1815. Л. 18–19.
- ²⁴⁴ *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за 25 лет его существования, 1867–1892. Казань, 1892. С. 138–139.
- ²⁴⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1871. Стб. 1558.
- ²⁴⁶ Отчет о деятельности Братства св. Гурия за десятый братский год. Казань, 1878. С. 24.
- ²⁴⁷ *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия. С. 139.
- ²⁴⁸ ОРРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 10 об.
- ²⁴⁹ Там же. Л. 13, 13 об.
- ²⁵⁰ Там же. Рук. 1815. Л. 18–19.
- ²⁵¹ Там же. Рук. 2312. Л. 120 об., 121.
- ²⁵² Цит. по: *Яковлев Ю.В.* Духовное пространство Ивана Юркина. С. 125–126.
- ²⁵³ ОРРК НБ КФУ. Рук. 1813. Л. 38–39 об.
- ²⁵⁴ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 548. Л. 11.
- ²⁵⁵ Переписка о чувашских изданиях ... С. 18, 33, 34, 80.

- ²⁵⁶ Письмо редактору газеты «Канаш» // Канаш. 1918. 4 июня. С. 1.
- ²⁵⁷ Переписка о чувашских изданиях. С. 46.
- ²⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 109 об.
- ²⁵⁹ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья ... С. 486.
- ²⁶⁰ Переписка о чувашских изданиях ... С. 22.
- ²⁶¹ Там же. С. 23.
- ²⁶² ГИА ЧР. Ф. 488. Оп. 2. Д. 1. Л. 93 об.
- ²⁶³ НА ЧГИГН. Отд. V. Д. 203. Л. 37.
- ²⁶⁴ Там же. Отд. I. Д. 380. Л. 201.
- ²⁶⁵ Там же. Отд. V. Д. 203. Л. 37.
- ²⁶⁶ Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск, 1917. С. 30.
- ²⁶⁷ Яковлев И.Я. Моя жизнь. С. 275.
- ²⁶⁸ Родионов В.Г. О диалектах чувашского языка в границах этнографической группы *анат енчи* // Чувашский язык и литература: теория и методика: сб. ст. Вып. 26. Чебоксары, 2016. С. 19.
- ²⁶⁹ Горский С.П. Очерки по истории чувашского литературного языка. С. 52.
- ²⁷⁰ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
- ²⁷¹ Никольский Н.В. Собр. соч. Т. 2. С. 97.
- ²⁷² Краснов Н.Г. Выдающийся чувашский педагог-просветитель. С. 330, 331.
- ²⁷³ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 23, 24.
- ²⁷⁴ Комиссаров Г.И. О чувашах. С. 347.
- ²⁷⁵ Цит. по: Фомин Э.В. Научное осмысление чувашского литературного языка в конце XVIII – начале XX в. // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 2. С. 247.
- ²⁷⁶ ОРРК НБ КФУ. Рук. 1813. Л. 38–39 об.
- ²⁷⁷ Горский С.П. Очерки по истории чувашского литературного языка. С. 49.
- ²⁷⁸ Краснов Н.Г. Выдающийся чувашский педагог-просветитель. С. 331.
- ²⁷⁹ Фомин Э.В. Чувашская книга конца XVIII – начала XX века. С. 59, 68, 71.
- ²⁸⁰ Старая и новая постановка инородческого вопроса // Симбирские вести. 1906. 9 августа. С. 2–3.
- ²⁸¹ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья ... С. 267.
- ²⁸² Никольский Н.В. Собр. соч. Т. 2. С. 95.
- ²⁸³ Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. С. 598.
- ²⁸⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 150. С. 561.
- ²⁸⁵ Гусаров Ю.В. Общества трезвости // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 294.

- ²⁸⁶ *А-ев*. Старая и новая постановка инородческого дела // Симбирские вести. 1906. 9 августа.
- ²⁸⁷ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 77 об.; *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты ... С. 58.
- ²⁸⁸ *Серый Чувашин*. На смерть Победоносцева. С. 2.
- ²⁸⁹ Дикая репрессия // Волжский вестник. 1906. 10 августа. С. 3.
- ²⁹⁰ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Д. 214. Л. 138–140.
- ²⁹¹ Там же. Инв. № 1616. Л. 2.
- ²⁹² Чувашская книга до 1917 г. С. 118.
- ²⁹³ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 163. С. 43.
- ²⁹⁴ Там же. С. 56, 57, 61–63.
- ²⁹⁵ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 5. Л. 101 об., 104.
- ²⁹⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 188. Инв. № 455. Л. 3.
- ²⁹⁷ *Васильев Н.В.* Краткий очерк истории чувашской литературы. М., 1930. С. 8–9.
- ²⁹⁸ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 109, 111.
- ²⁹⁹ *С.Г.С.* Заметка // Известия по Казанской епархии. 1912. 8 мая. С. 587.
- ³⁰⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 161. Л. 161.
- ³⁰¹ Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 81.
- ³⁰² *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 364.
- ³⁰³ *Яковлев И.Я.* Письма. С. 27.
- ³⁰⁴ *Краснов Н.Г.* Выдающийся чувашский педагог-просветитель. С. 342.
- ³⁰⁵ *Яковлев И.Я.* Из переписки. С. 276.
- ³⁰⁶ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 361, 362.
- ³⁰⁷ НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 2219. Инв. № 8544. С. 3.
- ³⁰⁸ *Краснов Н.Г.* Выдающийся чувашский педагог-просветитель. С. 343.
- ³⁰⁹ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 358.
- ³¹⁰ *Яковлев Ю.В.* Духовное пространство Ивана Юркина. С. 135–136.
- ³¹¹ Н.В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель / В.Д. Димитриев [и др.] Чебоксары, 2011. С. 48.
- ³¹² ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 47 об.
- ³¹³ Там же. Д. 12. Л. 120 об.
- ³¹⁴ Постановления Цивильского уездного земского собрания 42 очередного заседания 10–14 октября 1906 г. и экстренного заседания 17 февраля 1907 г. Казань, 1907. С. 34.
- ³¹⁵ Руководство к преподаванию русского языка инородцам по «Учебнику для инородцев Ислентьева». 2-е изд. Казань, 1901. С. 4; Чувашская книга до 1917 года. С. 72.

³¹⁶ *Шумилов А.П.* Об издании книг на инородческом языке // Казанская газета. 1903. № 8. С. 5–7.

³¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1115. Л. 143, 145, 147–147 об.

³¹⁸ Там же. Д. 1113. Л. 312.

³¹⁹ *Яковлев И.Я.* Из переписки. С. 204.

³²⁰ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1914 г. Казань, 1915. С. 9.

³²¹ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за время с 1 июля 1911 г. по 31 декабря 1912 г. Казань, 1913. С. 12; Чувашская книга до 1917 г. С. 150.

³²² НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 150. С. 557.

³²³ Цивильская народная газета. 1917. 21 июня.

³²⁴ ГИА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 47, 109.

³²⁵ Там же. Л. 148 об. – 149.

³²⁶ Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 129.

³²⁷ *Курмаев М.В.* Внутренняя цензура иноязычных книг в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17, № 3. 2015. С. 377, 378, 381.

³²⁸ ГИА ЧР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1115. Л. 143.

³²⁹ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 516. Л. 336, 337 об., 346.

³³⁰ Там же. Д. 548. Л. 9–11, 13, 71, 79, 80.

³³¹ *Димитриев В.Д.* Об историческом значении просветительской деятельности И.Я. Яковлева // Известия АН ЧР. 1993. № 1. С. 32.

³³² *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 1. С. 102.

³³³ *Никольский Н.В.* Сборник молитв, песнопений и чтений из служб Минеи месячной, Триоди цветной и молебствий // Известия по Казанской епархии. 1905. 15 августа. С. 943.

Содержание

Введение	3
1. Переводная чувашская книга в борьбе вокруг системы Н.И. Ильминского	4
2. Чувашские переводческие центры. Переводческая деятельность на чувашском языке и чувашские переводчики	12
3. Вопросы издания чувашских книг	26
4. К истории переводной чувашской светской книги. Издание чувашских книг земствами	37
Заключение	44
Источники и литература	46

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады

Выпуск 23

ГУСАРОВ Юрий Владимирович

**ПЕРЕВОДНАЯ ЧУВАШСКАЯ КНИГА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

**К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ И ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук
по итогам работы за 2016 год

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Оригинал-макет *Л.Н. Сапоговой*

Подписано к печати 25.12.2016. Формат 60 x 90 ¹/₁₆
Печать оперативная. Бумага офсетная
Гарнитура Times. Усл.-изд. л. 3,75
Тираж 100 экз. Заказ № 17.

Отпечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1